

На правах рукописи

ГУРИНСКАЯ Анна Леонидовна

**АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ПРЕСТУПНОСТИ**

Специальность: 12.00.08. –
уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Калининград

2018

Работа выполнена на кафедре уголовного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена»

**Официальные
оппоненты:**

КВАШИС Виталий Ефимович

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, главный научный
сотрудник ФГКУ «Всероссийский научно-
исследовательский институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации»

ИНОГАМОВА-ХЕГАЙ Людмила Валентиновна

доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры уголовного права ФГБОУ ВО
«Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

ПУДОВОЧКИН Юрий Евгеньевич

доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой уголовного права ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет
правосудия»

**Ведущая
организация:**

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»**

Защита состоится 01 апреля 2019 года в 14.30 часов на заседании объединенного диссертационного совета Д 999.017.03 на базе ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена», ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» по адресу: 236006, Калининград, ул. Фрунзе, д. 6, зал заседаний диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» (г. Калининград, ул. Университетская, 2). Электронные версии диссертации размещены на официальном сайте ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»: <http://www.kantiana.ru>

Автореферат разослан «___» декабря 2018 г.

Ученый секретарь объединенного
диссертационного совета,
кандидат юридических наук

Е.В. Осипова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. За последние десятилетия политический, экономический, социальный и культурный ландшафт, на фоне которого разворачиваются процессы детерминации преступности и противодействия им, претерпел существенные изменения. Глобализация, миграция, меняющееся соотношение сил на внешнеполитической арене, кризисные состояния в экономике, политическая нестабильность оказали и продолжают оказывать существенное влияние на состояние преступности в мире, а также определяют необходимость выработки новых подходов к уголовной политике. С одной стороны, эти процессы оказывают влияние на транснациональную преступность: криминальные риски все чаще носят глобальный характер (терроризм, экологическая преступность, киберпреступность), серьезные преступные организации больше не локализируются на территории одного государства, а объединены в сетевые сообщества, не имеющие границ. С другой стороны, меняется структура и динамика более традиционных «уличных» преступлений, преступлений в сфере предпринимательской деятельности.

В связи с этим все большее значение приобретают сравнительно-криминологические исследования, позволяющие изучить и извлечь уроки как из позитивного опыта противодействия преступности в различных государствах, так и не повторять тех ошибок, которые были допущены при реализации уголовной политики и повлекли негативные тенденции в развитии преступности, нарушения прав человека, снижение уровня безопасности граждан. Прежде всего, сравнительная криминология преследует задачи описания и объяснения различных феноменов, связанных с детерминацией преступного поведения и практикой реагирования на преступность в различных странах, но не сводится только лишь к этому. Сравнительные криминологические исследования позволяют проследить значимость политических, экономических, социальных процессов – как локальных, так и глобальных – на развитие уголовной политики. Это позволит оценить, какие из практических решений могут быть эффективно применены в рамках совершенно иного социально-политического контекста, а каких подходов следует избегать. Сравнительный анализ может способствовать разработке более эффективных программ реформирования уголовной политики, в которых изначально будут учтены ошибки, допущенные в других государствах, позволит избежать слепого копирования тех идей, у которых нет шансов прижиться на отечественной почве.

Сравнительные криминологические исследования также позволяют преодолеть замкнутость и изолированность собственных теоретических и практических подходов, заставляют задуматься о том, а могут ли они быть применены в другом контексте, существует ли перспектива для переноса этих идей в условия иной правовой и криминологической системы. В современных условиях существования глобального рынка научных идей и

концепций эта задача представляется одной из первоочередных. Отечественная криминология обладает серьезнейшей теоретической и методологической базой, в Российской Федерации накоплен уникальный опыт применения разнообразных подходов к противодействию преступности. Однако выходу отечественной науки на международную арену, преодолению ее некоторой изолированности зачастую препятствует не наличие, как часто предполагается, языкового барьера, а недостаточное понимание глобальных и локальных процессов, связанных с воспроизводством преступности за рубежом, неполнота знания о сложившихся в мире новейших теоретических, методологических и практических подходах к противодействию ей.

Еще в конце 90-х гг. XX века У. Бек назвал современное ему общество «обществом риска». С тех пор это утверждение стало еще лучше отражать особенности окружающей нас реальности. Жизнь в «обществе риска» заставляет искать возможности для снижения этих рисков и обеспечения безопасности населения. Вопросы повышения уровня безопасности занимают первое место в повестке дня любого современного государства. Преступность представляет собой одну из угроз безопасности – и именно в этом контексте происходит ее изучение и осмысление как в зарубежной криминологической литературе, так уже и в работах отечественных криминологов. Словосочетание «контроль над преступностью» все чаще заменяется словосочетанием «обеспечение безопасности». Однако это не только лишь терминологическая замена. Обеспечение безопасности предполагает, прежде всего, снижение рисков и угроз, использование проактивных (а не реактивных) подходов и методов. В связи с этим в центр уголовной политики все чаще ставятся проблемы предупреждения преступности, а не реакции на уже совершенные деяния. Эта тенденция характерна для многих государств, однако наиболее ярко выраженной она является в США и Великобритании.

Англо-американская криминологическая модель представляет большой интерес для изучения именно в сравнительном измерении. С одной стороны, актуальную проблему представляет анализ влияния теоретических и практических подходов, разработанных в рамках этой школы, на другие криминологические системы мира, с другой стороны, сама эта школа не является однородной, поскольку на ее развитие влияют не только глобальные тенденции, но также региональные, и локальные. В этой связи значимым представляется изучение как диффузии, так и столкновения идей и практик в рамках одной и той же модели. Англо-американская модель представляет большой интерес как раз для исследований значимости социально-экономических и культурных факторов, являющихся фоном, на котором разворачивается уголовная политика.

Степень научной разработанности проблемы. Вопросы сравнительной криминологии разрабатывались в трудах отечественных ученых на протяжении XX и XXI веков. Большой вклад в развитие

методологии сравнительных исследований в уголовном праве и криминологии внесли идеи О. Н. Ведерниковой, Я. И. Гилинского, Ю. В. Голика, А. И. Долговой, Г. А. Есакова, С. М. Иншакова, В. Е. Квашиса, И. М. Клейменова, И. Д. Козочкина, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева, А. А. Малиновского, Б. С. Никифорова, В. С. Овчинского, Ф. М. Решетникова, Ю. В. Трунцевского, Д. А. Шестакова, А. М. Яковлева и др.

Сравнительная криминология является перспективным направлением за рубежом. Так, например, только в США издается 13 журналов, посвященных компаративным криминологическим исследованиям, некоторые из которых выходят более 30 лет. К числу наиболее известных зарубежных ученых, занимающихся проблемами сравнительной криминологии относятся: Р. Барберет, Р. Беннетт, В. Гроувс, Д. Диньян, Д. Кавадиньо, Н. Лейси, М. Налла, Д. Нелкин, Г. Ньюман, У. Прайдмор, П. Соломон, Д. Соскис, Г. Ховард, Дж. Шептицки и др. Объектом сравнительных криминологических исследований были системы уголовной юстиции и наказания, отдельные виды преступного поведения. Вместе с тем, в науке отсутствуют работы, посвященные сравнительному анализу проблемы предупреждения преступности.

Англо-американская криминологическая модель предупреждения преступности рассматривается нами в контексте отечественного учения о предупреждении преступности. Общетеоретические вопросы уголовной, уголовно-исполнительной политики и предупреждения преступности и ее отдельных видов разрабатывали в своих трудах следующие ученые: Г. А. Аванесов, А. И. Алексеев, Ю. М. Антонян, М. М. Бабаев, В. Н. Бурлаков, Л. Д. Гаухман, С. И. Герасимов, Я. И. Гилинский, С. У. Дикаев, А. И. Долгова, А. Э. Жалинский, В. К. Звирбуль, К. Е. Игошев, Л. В. Иногамова-Хегай, И. И. Карпец, В. Е. Квашис, Д. А. Кириллов, Л. Р. Клебанов, И. М. Клейменов, М. П. Клейменов, В. В. Клочков, П. Н. Кобец, И. Я. Козаченко, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, А. Г. Лекарь, Г. Ю. Лесников, Н. А. Лопашенко, В. В. Лунеев, С. В. Максимов, И. М. Мацкевич, С. Ф. Милюков, М. Г. Миненок, Г. М. Миньковский, В. А. Номоконов, В. В. Орехов, Э. Ф. Побегайло, С. В. Познышев, Ю. Е. Пудовочкин, А. Л. Репецкая, А. Б. Сахаров, Л. Б. Смирнов, Т. Т. Смирнов, В. Н. Сомин, А. Я. Сухарев, Ю. В. Трунцевский, В. С. Устинов, Д. А. Шестаков, А. С. Шляпочников, Н. В. Щедрин, В. Е. Эминов, А. М. Яковлев и др. Вместе с тем, в отечественной литературе вопросы уголовной политики и предупреждения преступности за рубежом не получили должного отражения.

Проблематику, связанную с профилактикой преступного поведения в США и Великобритании, разрабатывают П. Брантингэм, Т. Бьорго, Д. ван Дейк, Д. Гилинг, Дж. де Вард, Л. Зеднер, А. Кроуфорд, Г. Мешко, Н. Тилли, А. Сайдботтом, М. Тонри, Ф. Фауст, Б. Фландер, Д. Фэррингтон, Г. Хьюз, П. Экблум, Э. Эшворт и др. Однако эти исследования редко имеют сравнительную направленность.

Критика современных тенденций англо-американской уголовной политики, в том числе системы предупреждения преступности содержится в работах М. Вальверди, Д. Гарланда, Г. Ньюмана, П. О'Мэлли, П. Сквайерса, Р. Эриксона, Б. Харкура, К. Хэггерти и др. и опирается на общефилософские концепции Д. Агамбена, Ф. Гваттари, Ж. Делеза, К. Маркса, М. Фуко. Отечественная критическая традиция в криминологии, представленная трудами Я. И. Гилинского, С. У. Дикаева, А. Э. Жалинского, И. М. Клейменова, С. Ф. Милюкова, Д. А. Шестакова и др., активно занимается осмыслением проблем уголовной политики за рубежом. Вместе с тем, вопросы превенции не были предметом детального критического анализа.

До настоящего времени проблемы предупреждения преступности в США и Великобритании практически не изучались с использованием сравнительно-правового подхода. Кроме того, институт наказания редко рассматривается учеными в качестве одного из инструментов превентивной политики, а превентивные принудительные меры являются достаточно новым явлением в англо-американском правовом поле. Эти обстоятельства свидетельствуют о необходимости заполнения теоретических пробелов в понимании особенностей функционирования системы предупреждения преступности.

Объектом исследования являются закономерности становления и развития англо-американской модели предупреждения преступности на современном этапе, в том числе ее фундаментальных и теоретических оснований, а также ключевых механизмов реализации модели на практике.

Предмет исследования составляют концепции современной англо-американской криминологии, относящиеся к анализу причин преступного поведения и разработке подходов к предупреждению преступности, в том числе уголовно-правовые и криминологические исследования относительно сущности и пределов применения превентивных принудительных мер, положения теорий сдерживания, рационального выбора и других теорий, лежащих в основе ситуационного предупреждения преступлений. Также в предмет исследования входят положения теории общественного договора, классической школы криминологии, утилитаристской политической философии, немецкой классической философии в той части, в которой в них разрабатываются теории наказания и обеспечения безопасности. Предметом исследования являются законодательные памятники уголовного права Англии, нормы уголовного законодательства и нормативно-правовые основы предупреждения преступности в США и Великобритании, доктрина уголовного права и судебная практика этих стран, правовые позиции Европейского суда по правам человека, программы по противодействию отдельным видам преступного поведения и деятельность государственных и негосударственных субъектов, направленная на реализацию этих программ, состояние и динамика преступности и применения наказания в виде лишения свободы, отраженные в официальной статистике о преступности и наказании в США и Великобритании, а также в данных виктимологических опросов.

Также в предмет входили положения Конституции Российской Федерации, уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, законодательство о безопасности и предупреждении преступлений, практика Конституционного Суда Российской Федерации

Целью диссертационного исследования является всесторонний анализ теоретических оснований, нормативно-правового регулирования и практического воплощения англо-американской модели предупреждения преступности, а также разработка предложений по дальнейшим направлениям развития криминологической теории предупреждения преступности и совершенствованию законодательной основы и практической деятельности по предупреждению преступлений в Российской Федерации.

Данная цель конкретизируется в следующих **задачах**:

определить место исследований проблем предупреждения преступности в США и Великобритании в рамках предметной области сравнительных криминологических исследований;

выявить особенности теоретического осмысления понятия и видов предупреждения преступности в российской и англо-американской криминологии;

обозначить особенности становления и выявить основные характеристики англо-американской модели предупреждения преступности на современном этапе;

проанализировать фундаментальные основания англо-американской модели предупреждения преступности;

исследовать значение проблематики безопасности для развития англо-американской модели предупреждения преступности;

исследовать риск-ориентированный подход к предупреждению преступности и выявить его основные черты;

выявить, какое значение играют страх граждан перед преступностью и цели защиты потерпевшего в современном подходе к предупреждению преступности в США и Великобритании;

проанализировать особенности сетевых подходов к обеспечению безопасности;

исследовать и оценить вклад классической школы криминологии для становления современных представлений о предупреждении преступности;

оценить ретрибутивистскую критику превентивных целей наказания;

проследить историю трансформации целей наказания в США и Великобритании от реабилитации до селективной изоляции;

исследовать принцип селективной изоляции осужденных и дать оценку феномену массового тюремного заключения;

разработать понятие и классификацию превентивных принудительных мер;

выявить основания и пределы применения превентивных принудительных мер;

исследовать актуальные проблемы применения превентивного заключения под стражу;

проанализировать стратегии, направленные на предупреждение антиобщественного поведения и радикализации молодежи;

выявить и исследовать значение теории рационального выбора для становления криминологических теорий, изучающих проблемы предупреждения преступлений;

проанализировать исходные положения и выводы теории сдерживания и криминологической теории рационального выбора и их значение для практики предупреждения преступности;

исследовать особенности криминологии окружающей среды и оценить значение ситуационных способов предупреждения преступности;

разработать научно-обоснованные рекомендации для совершенствования отечественной криминологической науки;

определить возможности и пределы использования достижений англо-американской модели предупреждения преступности и предлагаемых ею практических решений для предупреждения преступности в России.

Методологическими основами исследования выступают общенаучные и специальные методы познания, в том числе диалектический, логический, анализ и синтез, индукция и дедукция, системный, историко-правовой, сравнительно-правовой, моделирования, а также конкретно-социологические методы. Так, диалектический метод позволил выявить теоретические противоречия англо-американского подхода к предупреждению преступности. С помощью логического метода обеспечивалась системность изложения материала исследования, формирование его теоретической и эмпирической базы. Метод анализа позволил выявить основные черты рассматриваемой системы, а метод синтеза – объединить эти характеристики для построения теоретической модели. С помощью метода индукции на основе изучения частных аспектов реализации системы предупреждения преступности в США и Великобритании были сделаны выводы об ее общих чертах. Метод дедукции позволил выявить и объяснить особенности функционирования отдельных элементов изучаемой системы на основе полученных знаний об общих закономерностях ее развития.

Историко-правовой метод обеспечил возможность проследить этапы становления системы предупреждения преступности в современных США и Великобритании, эволюцию нормативно-правового регулирования в данной области, а также правоприменительной практики. С помощью сравнительно-правового метода в работе сопоставлялись особенности механизмов предупреждения преступности в данных странах, а также производилось сравнение англо-американской системы и российской с точки зрения их теоретического обоснования и практического воплощения. Метод моделирования позволил создать теоретическую модель, в рамках которой с помощью описания особенностей функционирования англо-американской

системы предупреждения преступности и ее отдельных элементов были выявлены ее наиболее значимые особенности. Использование конкретно-социологических методов позволило выявить мнение специалистов в области уголовного права и криминологии, а также граждан Российской Федерации относительно возможности использования отдельных элементов англо-американской системы предупреждения преступности в российских условиях.

Нормативно-правовую базу исследования составляют положения Конституции Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, нормы уголовного законодательства, законодательства о профилактике преступлений и обеспечению безопасности, иных федеральных законов, Указы Президента Российской Федерации и Постановления Правительства Российской Федерации, решения Конституционного Суда Российской Федерации, уголовное законодательство и законодательство о противодействии преступности США и Великобритании.

Теоретическую основу исследования составили философские работы Дж. Агамбена, Ч. Беккариа, И. Бентама, Ф. Гваттари, Т. Гоббса, Ж. Делеза, Дж. Локка, Дж. Ст. Милля, М. Фуко, Г. Харта, Г. Шу, труды по политической теории, публичному праву и теории государственного управления Т. Гэблера, М. Неоклеуса, Д. Осборна, Р. Родса, К. Санстейна, Дж. Уолдрона, Ю. Элстера, экономической теории Г. Бэккера, Р. Познера, Д. Канемана, Р. Талера, А. Тверски, уголовному праву М. Даббера, Э. Даффа, Г. А. Есакова, Л. Зеднер, И. Д. Козочкина, Л. В. Иногамовой-Хегай, С. Ф. Милюкова, А. фон Хирша, Д. Хьюсака, Э. Эшворта, по теории криминологии П.-О. Викстрема, Я. И. Гилинского, А. И. Долговой, М. Готтфредсона, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, Д. Нэгина, Р. Патерностера, Р. Сэмпсона, Т. Хирши, Д. А. Шестакова, проблемам уголовной политики М. М. Бабаева, И. М. Клейменова, С. Я. Лебедева, Г. Ю. Лесникова, Н. А. Лопашенко, В. В. Лунеева, И. М. Мацкевича, Ю. Е. Пудовочкина, В. С. Овчинского, Д. А. Шестакова, Н. В. Щедрина, а также работы упомянутых выше отечественных и зарубежных специалистов в области сравнительной криминологии и предупреждения преступности.

Эмпирической основой исследования послужили решения Верховного суда США, судов Великобритании, Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда Российской Федерации. Также в основу исследования положены данные опросов различных категорий граждан об уровне их виктимизации, страхе перед преступностью, представлениях о причинах преступности, наиболее оптимальных способах предупреждения преступлений, восприятию целей наказания. Были проведены опросы 111 специалистов в области уголовного права и криминологии в 2016 г., а также 777 студентов высших учебных заведений г. Санкт-Петербурга и Ростова-на-Дону, в том числе студентов Университета МВД Российской Федерации в г. Санкт-Петербурге, в 2017 г. Эмпирическую

основу составили также статистические данные о состоянии преступности в США и Великобритании, размещенные на сайтах государственных органов, занимающихся обобщением и анализом статистической информации за период с 1960 по 2016 г. (США) и с 1981 по 2017 г. (Англия и Уэльс), а также официальные данные о работе уголовно-исполнительных систем этих стран и практике применения наказания в виде лишения свободы за период с 1925 по 2015 г. (США) и с 1900 по 2016 г. (Англия и Уэльс), статистические данные о состоянии наказания в мире, представленные в базе данных Института исследований уголовной политики Университета Лондона, г. Биркбек, Великобритания.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в криминологической науке на основании метода правового моделирования проведено комплексное сравнительное исследование закономерностей становления и развития англо-американской модели предупреждения преступности. Выявлены фундаментальные основания этой модели, проведен анализ теоретических положений теории общественного договора, классической школы криминологии, утилитаристской политической философии, немецкой классической философии, а также англо-американской криминологической школы, обосновывающих роль и место отдельных механизмов (наказания, превентивных принудительных мер и ситуационных подходов) в общей системе предупредительных мер. Выявлена роль и место англо-американской криминологии в мировом пространстве противодействия преступности, оценено ее потенциальное влияние на теорию криминологической мысли и практику предупреждения преступности в России. Впервые в поле детального анализа попали вопросы, связанные именно с предупредительной деятельностью как основной формой обеспечения криминологической безопасности граждан и снижения уровня их рисков. Впервые на монографическом уровне рассматриваются вопросы управленческой деятельности сетевыми структурами по обеспечению безопасности и профилактики преступлений. В научный оборот введены новые концептуальные положения англо-американской криминологической школы, результаты эмпирических исследований, статистические данные. Впервые предложен исторический анализ и оценка современной деятельности негосударственных структур по предупреждению преступности. Разработаны научно обоснованные рекомендации по совершенствованию деятельности, направленной на предупреждение преступлений в России; выявлены актуальные направления развития криминологической науки.

Положения, выносимые на защиту:

1. Фундаментальным основанием англо-американской модели предупреждения преступности выступает представление о преступности как об угрозе безопасности. Такое видение предопределяет применение риск-ориентированного подхода при разработке превентивных стратегий, их

ориентацию не только на реальное устранение криминальных угроз безопасности, но и на снижение уровня страха перед преступностью.

2. В практическом отношении результатом ориентации уголовной политики на обеспечение безопасности стал так называемый «превентивный поворот», основными характеристиками которого стали свехкриминализация, устойчивая тенденция к применению разнообразных видов принудительных превентивных мер, ужесточение наказания, особенно в отношении преступников, демонстрирующих наибольшую опасность для общества.

3. С теоретической точки зрения англо-американская модель укоренена в утилитаристских теориях рационального выбора. Наиболее значимыми концепциями, оказавшими влияние на развитие практики противодействия преступности в современных Великобритании и США, явились криминологические теории, корни которых уходят в классическую школу криминологической мысли и связаны с идеями о рациональности индивида и наличием у него свободы воли. Эти теории придают наибольшее значения проблемам формирования мотива на совершение преступления, роли ситуативных факторов в его совершении, а также роли формальных и неформальных санкций в предупредительной деятельности.

4. Политической и идеологической основой англо-американской модели является неолиберализм. Управление в сфере предупреждения преступности строится на основе сетевых (в том числе узлового) подходов к государственному управлению. В Великобритании и в США государство усиливает принудительное воздействие на нарушителей закона в целях обеспечения законопослушания и, одновременно, делегирует обязанности по ситуационной превенции широкому кругу негосударственных акторов, контролируя их деятельность с помощью сети регулятивных предписаний. Частные структуры не только привлекаются к осуществлению традиционно государственных функций по исполнению наказания («частные» тюрьмы), но и берут на себя отдельные полицейские функции - надзор, обеспечение общественной безопасности, профилактика правонарушений. Они действуют как в коммерческом (розничная торговля, развлечения), так и в публичном (охрана публичных мест, исполнение наказания) секторе.

5. Англо-американская криминология выделяет четыре разновидности превентивной деятельности, в том числе общесоциальное предупреждение преступлений. Однако основными инструментами, используемыми в современной англо-американской системе предупреждения преступности, являются наказание, превентивные принудительные меры и ситуационное предупреждение преступлений.

6. Основной функцией наказания в Великобритании и США становится не восстановление справедливости и ресоциализация правонарушителей, а достижение целей общей и частной превенции. Для реализации этих целей наказание используется в качестве механизма устрашения и селективной изоляции правонарушителей, представляющих

повышенный риск для общества. В связи с тем, что, как демонстрируют исследования, население придерживается представлений о наказании как о способе возмездия, восстановления справедливости, в государственной риторике распространен дискурс о наказании как справедливо заслуженном, в то время как в практическом отношении политика наказания ориентирована скорее на утилитаристскую (консеквенциалистскую) доктрину социальной защиты.

7. В США следствием расширения применения наказания в превентивных целях стал феномен «массового тюремного заключения». В Великобритании наблюдается рост числа заключенных. В обеих странах показатели численности тюремного населения существенно превосходят показатели других стран Западной Европы, при этом рост происходит на фоне одновременного резкого снижения показателей преступности. Вместе с тем, отсутствуют однозначные основания утверждать, что снижение криминальной активности обусловлено увеличением числа осужденных.

8. Механизмом, активно используемым в целях предупреждения преступлений, является институт «превентивной юстиции». Этот механизм может быть определен как совокупность превентивных принудительных мер, закрепленных нормами различных отраслей права, применяемых на разных этапах пред-преступного поведения индивидов, которые рассматриваются как представляющие повышенную опасность для общества реально или потенциально.

9. Превентивные принудительные меры следует отграничивать от наказания, поскольку основания и пределы их применения отличаются. Превентивные меры назначаются на основании прогнозов будущего поведения индивида, обоснованность которых можно подвергнуть сомнению. Вместе с тем, по степени негативных последствий для индивида, к которому они применяются, превентивные меры зачастую превышают наказание. В связи с этим на практике возникают сомнения об оправданности применения принуждения в отношении лиц, не совершивших общественно-опасного деяния. Представляется, что ключевой является задача создания механизма, который бы гарантировал защиту конституционных прав и свобод граждан, к которым применяются превентивные принудительные меры.

10. Ситуационное предупреждение преступлений является третьим институтом, обеспечивающим практическую реализацию англо-американской модели предупреждения преступности. В теоретическом отношении этот подход основан на достижениях теории рационального выбора в социальных науках. В криминологии этот подход получил отражение в многочисленных теориях, которые постепенно интегрируются в рамках «криминологии окружающей среды». В основе этой теоретической парадигмы лежит принцип методологического индивидуализма, который рассматривает преступление сквозь призму действий отдельного индивида, его рационального выбора во взаимодействии с условиями окружающей

среды. К криминологическим направлениям, принадлежащим к этой группе теорий, относятся теория сдерживания, теория рационального выбора, стандартных действий, «горячих точек» преступления, устойчивых моделей, близкого повтора, территориального моделирования риска.

11. Ситуационное предупреждение преступлений на практике предполагает систематическое и целенаправленное воздействие на факторы окружающей среды. Такое воздействие позволяет создать объективные препятствия для совершения преступления, а также усилить субъективное восприятие ситуации совершения преступления правонарушителем как потенциально опасной, могущей привести к задержанию. Основными программами в рамках ситуационного предупреждения преступлений являются дизайн окружающей среды, организация системы наблюдения за общественным порядком и поведением граждан, прогностическая полицейская деятельность, основанная на анализе Больших Данных.

12. Ключевая роль в трансформации англо-американской модели предупреждения преступности на современном этапе принадлежит развитию технологий, связанных с возможностями наблюдения за поведением граждан, контролем доступа на объекты, созданием баз данных, а также компьютерных сетевых технологий. Вместе с тем, использование этих технологий в целях обеспечения безопасности представляет существенную угрозу нарушений прав человека, что должно учитываться при разработке мер уголовной политики.

13. Анализ подходов, лежащих в основе англо-американской модели предупреждения преступности, демонстрирует существование фундаментальных теоретических противоречий. Принудительные превентивные меры направлены на индивида, который рассматривается как неспособный к самоконтролю, не обладающий волей и возможностью выбрать воздержание от совершения преступления, а ситуативные технологии скорее нацелены на полную противоположность такого индивида, идеального *homo economicus*, способного максимизировать полезность своего поведения под воздействием факторов окружающей среды. Во-вторых, государство проводит превентивную политику в целях защиты потерпевших, руководствуясь идеей об их беспомощности в деле защиты против преступных посягательств. Одновременно с этим оно не только предполагает активное участие граждан в обеспечении собственной безопасности, но и возлагает на них такую обязанность. В-третьих, современное англо-американское превентивное государство безопасности демонстрирует нам парадокс между декларируемой «минимизацией» неолиберального государственного аппарата и его реальным разворачиванием в сфере предупреждения преступности.

14. Понимание достоинств и недостатков англо-американской модели предупреждения преступности критически значимо для совершенствования уголовной политики в современной России. Определенные направления отечественной системы противодействия преступности в общих чертах

воспроизводят именно контуры этой модели - это и фактический отказ от приоритета социальной политики, и помещение преступности в официальный дискурс безопасности, и явные тенденции к недооценке социальных проблем.

Теоретическая значимость исследования выражается в том, что оно вносит вклад в понимание теоретической основы предупреждения преступности, в том числе фундаментальных идей и концепций, которые лежат в основе конструкции превентивной системы. В частности, диссертационное исследование показывает, какое влияние на развитие криминологической теории предупредительной деятельности оказывает восприятие безопасности как криминологической проблемы, привлечение концепций из теории управления рисками, экономической теории, психологии. Работа выявляет значение идеологии для изменения стратегий противодействия преступности. Используемый в диссертации для анализа англо-американской системы предупреждения преступности сравнительный подход и метод моделирования расширяет методологическую базу криминологической науки. Диссертационное исследование восполняет пробел в знаниях об уголовной политике зарубежных государств, ее философской основе, о теоретических спорах, лежащих в основании практических решений, о новейших способах эмпирической проверки теоретических гипотез.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что сформулированные в нем выводы могут быть использованы законодателем для совершенствования нормативно-правовой базы системы предупреждения преступности в Российской Федерации, правоприменителем для внедрения при осуществлении профилактических мероприятий, в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации при оценке соответствия положений законодательства Конституции Российской Федерации. Теоретические и методологические разработки, представленные в диссертационном исследовании, могут быть применены в научной деятельности и в образовательном процессе, в том числе для совершенствования преподавания курсов по криминологии и уголовной политике, а также в просветительской деятельности, направленной на повышение правовой культуры граждан Российской Федерации, профилактику совершения ими противоправных деяний.

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования. Основные результаты исследования докладывались и обсуждались на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях, научных семинарах и круглых столах, проходивших в г. Москве (2014, 2016, 2018 гг.), г. Санкт-Петербурге (2006-2018 гг.), г. Геленджике (2018 г.); ежегодных конференциях Европейской криминологической ассоциации в г. Прага (Чехия) (2014 г.), г. Порто (Португалия) (2015 г.), г. Мюнстер (Германия) (2016 г.), г. Кардиф (Великобритания) (2017 г.), г. Сараево (Босния и Герцеговина) (2018 г.);

международных конференциях и научных семинарах, проходивших в г. Хельсинки (Финляндия) (2006 г.), г. Стамбул (Турция) (2009 г.), г. Ист-Лансинг (США) (2015 г.), г. Берлин (Германия) (2015 г.), г. Нью-Йорк (США) (2017 г.), на ежегодной конференции Американской криминологической ассоциации в г. Филадельфия (США) (2017 г.), на XIX Всемирном конгрессе Международной социологической ассоциации в г. Торонто (Канада) (2018 г.).

Изложенные в диссертации положения внедрены в практическую деятельность Конституционного Суда Российской Федерации, Всеволожской городской прокуратуры Ленинградской области, в процесс обучения студентов в рамках направления «Юриспруденция» и «Педагогическое образование (профиль – правовое образование)» в ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена».

Теоретические положения работы, а также результаты эмпирических исследований нашли отражения в более чем 70 публикациях, в том числе в 2 монографиях, 19 статьях, опубликованных в научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации, 6 статьях, опубликованных в научных журналах, включенных в глобальный индекс цитирования Scopus и Web of Science.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, объединяющих 19 параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, степень ее научной разработанности, определяются объект и предмет, цели и задачи, излагаются методологические основы, аргументируется научная новизна исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, указываются теоретическая и практическая значимость исследования, приводятся данные об апробации и внедрении его результатов.

Первая глава *«Англо-американская модель предупреждения преступности в контексте сравнительных исследований в криминологии»* состоит из трех параграфов.

В первом параграфе *«Англо-американская модель предупреждения преступности как предметная область сравнительной криминологии»* обосновывается значимость сравнительных криминологических исследований. Проведенный анализ показывает, что криминология зародилась как наука, активно использующая сравнительный метод исследования, позволяющий сопоставлять феномены, связанные с преступностью, в различных государствах и правовых системах. Утверждается, что в настоящее время сравнительная криминология в России сформировалась в качестве самостоятельной криминологической отрасли, задачей которой является не только проведение сравнительного анализа уголовной статистики, данных о наказании, сопоставление систем контроля над преступностью, но и более глубокое понимание причин преступности в России, общественно-экономических предпосылок уголовной политики, а также поиск эффективных решений в области противодействия преступности. Обосновывается, что важной предметной областью сравнительной криминологии являются теоретические, социокультурные, экономические и политические основания, вызывающие к жизни определенную модель реагирования на антиобщественные действия. Наряду с этим, важной областью изучения и сравнения являются и фундаментальные философские и идеологические подходы к противодействию преступности. Одной из актуальных задач сравнительных криминологических исследований является анализ опыта зарубежных стран в области противодействия преступности, в том числе превентивных стратегий, в том числе предупредительной деятельности полиции, раннего предупреждения преступлений, а также превентивных программ с участием общественности.

В целях проведения сравнительного анализа предлагается использовать понятие криминологической модели. Обосновывается, что криминологическая модель представляет собой абстрактную форму, которая может быть использована для описания основных особенностей функционирования определенной криминологической системы как в целом, так и ее отдельных элементов. Моделирование позволяет описать основные параметры системы, особенности элементов, входящих в ее состав, а также

взаимосвязи между этими элементами. Метод правового моделирования предлагается использовать и для создания теоретической модели англо-американской системы предупреждения преступности. Эта модель строится на основе анализа правовых, теоретических, культурных, идеологических, практических особенностей, связанных с осуществлением превентивной деятельности в США и Великобритании.

Политика противодействия преступности в США и Великобритании, в том числе ее превентивная составляющая, опирается на теоретические подходы, разработанные в рамках англо-американской криминологической школы. Данная школа не является однородной и представляет собой обширный конгломерат исследовательских парадигм, направленных на объяснение преступности и выработку решений по борьбе с ней. Она опирается, в первую очередь, на теоретические и методологические подходы, разработанные в рамках социологической науки, но имеет свой отдельный предмет. Для нее характерен прагматизм и стремление к интернационализации. Основными теоретическими направлениями, повлиявшими на превентивную практику, являются консеквенциалистские теории наказания, теория рационального выбора, а также теория нового государственного управления.

Англо-американская модель предупреждения преступности находит свои корни и в традициях семьи общего права, в рамках которой происходит рецепция правовых решений в области противодействия преступности. Реципиентом американских подходов к превенции является Великобритания, а также и другие страны семьи общего права. Ряд решений, особенно связанных с ситуационным предупреждением преступлений, получил распространение и в странах, принадлежащих к другим правовым семьям.

Во втором параграфе *«Российские и американские теоретические представления о предупреждении преступности: сравнительный анализ»* рассматривается содержание термина «предупреждение преступности» в англоязычной и русскоязычной литературе. Отмечается, что в отечественной криминологической науке интерес к предупреждению преступности зародился раньше, чем в американской и британской, с чем связана более глубокая разработка понятийного аппарата в России. Предупреждение преступности в отечественной криминологии понимается как целенаправленное воздействие на процессы, связанные с детерминацией и причинами преступности, которое осуществляется с целью недопущения вовлечения в преступную деятельность новых лиц, совершения новых преступлений, а также расширения криминализации общественных отношений. Делается вывод о том, что в отечественном понимании предупредительная деятельность связана, прежде всего, с воздействием на причинный комплекс преступности. Кроме того, в российской криминологии предупреждение преступности рассматривается в качестве многоуровневой системы мер, включающей в себя общее, специальное и индивидуальное предупреждение. Круг субъектов, осуществляющих превенцию, достаточно

широк и включает как государственные органы, так и большое число негосударственных акторов.

Несмотря на то, что в отечественной криминологии спорным остается вопрос о возможности включения в круг предупредительных решений меры, связанные с уголовно-правовым воздействием, в работе утверждается, что такие меры являются важнейшим инструментом превентивного воздействия. Несмотря на то, что их эффективность не является постоянной, комплексный анализ системы предупреждения преступности невозможен без изучения уголовно-правовых механизмов.

Интерес к теоретическому осмыслению проблем предупреждения преступности в англо-американской криминологии возникает позднее – в последние десятилетия 20 века. Однако до настоящего времени большой интерес у ученых вызывают вопросы совершенствования практической деятельности по предупреждению преступности, чем разработка понятийного аппарата. В связи с этим само понятие предупредительной деятельности в англо-американской криминологии не имеет однозначного и разделяемого большинством специалистов наполнения. Вместе с тем, учеными был разработан ряд классификаций превентивных мер, которые включают в себя уголовно-правовое воздействие, социальные меры, ситуационное предупреждение преступлений, а также меры, связанные с управлением рисками.

Делается вывод о том, что отечественное и англо-американское понимание термина «предупреждение преступности» является достаточно схожим. При этом в зарубежном дискурсе меньше внимания уделяется общесоциальному предупреждению. В обеих традициях существенные дискуссии ведутся о необходимости взаимодействия государственных и негосударственных субъектов предупредительной деятельности, о роли уголовно-правового воздействия. Несмотря на то, что англо-американские криминологи зачастую выводят систему уголовной юстиции за рамки теоретического осмысления проблем предупреждения преступности, в практическом отношении именно принудительные меры в связке с ситуационными составляют основу англо-американской модели. Альтернативу такому подходу составляют программы по раннему предупреждению развития преступных наклонностей и предупреждение преступности с участием общественности.

В третьем параграфе *«Особенности становления и основные характеристики англо-американской модели предупреждения преступности в 21 веке»* рассматриваются исторические особенности становления системы превентивной деятельности в США и Великобритании. Особое внимание уделяется тем изменениям, которые происходили в связи с глубокими социально-экономическими реформами, старт которым был дан в конце 1970-х- начале 1980-х гг. Кроме того, рассматривается воздействие фактора усиления террористической угрозы на трансформацию подходов к предупреждению преступности.

Анализ данных уголовной статистики в США и Великобритании выявляет, что реформы уголовной политики проходили на фоне сначала резкого роста преступности, в том числе ее насильственных форм, однако наибольшее усиление принудительных мер профилактического воздействия приходится на период снижения показателей преступности – тенденции, которая продолжается и в настоящее время.

Предупреждение преступности рассматривается как элемент более общей системы контроля над преступностью. Вместе с тем утверждается, что именно превентивная составляющая выходит на передний план уголовной политики в связи с изменением отношения граждан к проблеме безопасности, ростом их беспокойства и страха перед преступностью, усилением требований к государству по обеспечению защиты. Противоположной тенденцией является стремление государства снизить расходы по непосредственному обеспечению безопасности и возложить часть бремени непосредственно на субъектов, нуждающихся в защите – так называемая, стратегия респонсификации.

Делается вывод о значении неолиберальных реформ в сфере государственного управления для трансформации системы воздействия на преступность, а также о роли наднациональных институтов в формировании повестки уголовной политики. Одним из результатов реформ стало существенное расширение круга субъектов, осуществляющих превентивную деятельность, и включение в него индустрии частной безопасности, страховых компаний, бизнес сообщества и представителей гражданского общества.

Утверждается, что следствием реформ в уголовной политике США и Великобритании стал «превентивный поворот», основными характеристиками которого являются: переориентация уголовной политики на предупреждение рисков, которые могут возникнуть в будущем, опора на наказание, принудительные превентивные меры и ситуационное предупреждение преступлений как на основные инструменты, расширение в превентивных целях числа уголовных запретов и появление законодательства о предупреждении преступлений, изменение роли государства от прямого «поставщика» безопасности до регулятора деятельности акторов, непосредственно обеспечивающих безопасность, используя совместные ресурсы.

Вторая глава *«Фундаментальные основания англо-американской модели предупреждения преступности»* состоит из четырех параграфов, которые посвящены анализу четырех ключевых оснований современной системы предупреждения преступности в США и Великобритании: переориентация уголовной политики с борьбы с преступностью на обеспечение безопасности, взятие на вооружение риск-ориентированного подхода, повышение внимания к проблемам субъективной безопасности (страху перед преступностью) и интересам потерпевших, неолиберальная реформа государственного управления.

В первом параграфе «*Предупреждение преступности как способ обеспечения безопасности*» анализируется, каким образом изменилась теоретическая и практическая риторика, касающаяся проблем противодействия преступности. Уголовная политика постепенно переосмысливается в терминах общественной безопасности и безопасности личности, управления рисками, снижения издержек, эффективного менеджмента. В подходах к реагированию на преступность явно прослеживается бизнес-ментальность. Государство видит свою задачу не в реагировании на преступность, а в управлении рисками, угрозами безопасности. Преступность становится одной из угроз, наряду с экологическими и техногенными. Эти тенденции наиболее отчетливо проявляются после событий 11 сентября 2001 г. и продолжают нарастать. Отмечается, что тенденция к секьюритизации дискурса о преступности характерна не только для англоязычной науки и практики, но и для отечественной.

Исследуется содержание понятия безопасности, начиная с трудов Т. Гоббса и Дж. Локка. Делается вывод о том, что для обоих мыслителей безопасность является ключевым благом, лежащим в основе общественного договора и легитимирующим практически неограниченные полномочия суверена. Идеи политических философов оказали влияние и на труды современных теоретиков безопасности. В криминологической литературе можно выделить две линии осмысления содержания этого термина. Согласно первой, можно говорить о существовании общего понятия безопасности, которое можно успешно применить к различным сферам, наполняя эти элементы конкретным содержанием в зависимости от того, о какой области жизни идет речь. Согласно второй, дать понятие безопасности невозможно, а можно лишь изучать эмпирическим путем практики, связанные с ее обеспечением.

Утверждается, что безопасность имеет объективную и субъективную стороны. В объективном смысле она представляет собой такое состояние, в котором отсутствуют угрозы, существует защита от угроз или вероятности наступления вреда, либо есть возможность уклониться от угрозы и избежать вреда. В субъективном смысле безопасность характеризуется отсутствием страха перед угрозами, которое может совпадать с объективной ситуацией, а может и не соответствовать ей. Таким образом, безопасность рассматривается с точки зрения в том числе и конструктивистских социальных теорий.

Делается вывод о том, что восприятие преступности в качестве одной из угроз национальной безопасности привело в США и Великобритании к разворачиванию полномасштабной войны с преступностью, которая разворачивается в том числе и в пространстве частной жизни индивидов, но также и к появлению культуры страха, маргинализации и социальной исключенности наиболее уязвимых слоев населения.

Во втором параграфе *«Риск-ориентированный подход к предупреждению преступности»* говорится о том, что, наряду с понятием безопасности, такие понятия, как риск, неопределенности и страх, также ложатся в основу превентивной политики. Управление риском на основе принципа предосторожности становится основным способом обеспечения безопасности граждан от преступных посягательств. Неоднозначность понятия риска создает проблемы для оценки эффективности риск-ориентированного подхода. Риск может определяться как подсчет вероятности угрозы, технология управления, как нечто объективное, что можно понять с помощью науки, или как нечто субъективное и социально сконструированное, как проблема, угроза, источник опасности, способ контроля над будущим и состояние, в котором будущее неподконтрольно. Терпимость к рискам или их неприятие зависят от большого числа факторов, связанных с характером угрозы, степенью добровольности рискованного поведения, наличием подробной информации о степени риска. Как показывают исследования, наиболее катастрофические риски встречаются крайне редко и при этом вызывают наибольший страх.

Указывается, что постановка цели управления рисками меняет технологии государственного управления. Государство определяет те сферы, где риски наиболее высоки, устанавливает стандарты безопасности, определяет субъектов, на которых лягут издержки по минимизации рисков. В обществе риска фокус программ контроля над преступностью смещается с ресоциализации правонарушителей на предупреждение преступлений с помощью технологий, позволяющих прогнозировать будущее поведение. Детерминистский взгляд на природу индивида и причины преступного поведения, который лежал в основе социальных программ, направленных на минимизацию преступности, сменяется восприятием индивида как объекта, который способен причинить вред, и который должен быть обезврежен до того, как потенциальная возможность станет реальностью. В результате развития риск-ориентированного подхода потенциальный правонарушитель становится объектом, на который воздействуют с помощью технологий управления рисками или ситуационных методов превенции.

Делается вывод о том, что такой подход меняет и саму направленность криминологических исследований. Ученые продолжают поиск причин преступного поведения, но не с целью того, чтобы воздействовать на эти причины, а для того, чтобы выявить как можно большее число факторов риска, обстоятельств, указывающих на потенциальную опасность индивида. Интерес ученых смещается с индивида на окружающую его среду, особенно те ее параметры, которые являются управляемыми, могут быть изменены для повышения уровня безопасности.

Подчеркивается, что применение превентивных, риск-ориентированных технологий в области противодействия преступности сталкивается с существенным числом правовых, политических и моральных проблем. Граждане не готовы добровольно менять свое поведение, образ

жизни и среду обитания ради того, чтобы предотвратить будущие риски. Еще меньшее число людей готовы поддержать принудительное воздействие даже в целях снижения рисков. При этом ряд мер безопасности вызывает меньше опасения даже несмотря на то, что эффективность и обоснованность их применения не была доказана.

Стремление государства наладить систему управления рисками приводит к изменениям в характере полицейской деятельности, которая все больше становится связана не с непосредственным физическим воздействием на индивида, покусившегося на совершение общественно-опасного деяния или окончившего его, а с использованием компьютерных технологий, электронного и видео наблюдения. Политика, направленная на минимизацию рисков, часто создает ощущение небезопасности, снижает субъективное ощущение защищенности и влияет на качество жизни.

Отмечается, что в стремлении предотвратить все возможные риски государство обращается к принципу предосторожности, причем в его наиболее радикальной форме. А именно, меры предосторожности должны приниматься даже в том случае, если отсутствуют научные доказательства возможности наступления потенциального вреда. Такой подход приводит к применению жестких принудительных превентивных мер даже в случае полной неопределенности, которая приравнивается к наличию угрозы.

В третьем параграфе *«Страх перед преступностью и защита потерпевшего как основа политики предупреждения преступности»* рассматривается влияние уровня обеспокоенности граждан преступностью на развитие превентивных технологий. Страх перед преступностью является значимым фактором, воздействующим на поведение граждан, заставляет их менять место жительства и образ жизни, требовать от государства усиления мер по обеспечению их безопасности, ослабляет доверие к правоохранительным органам, самостоятельно инвестировать в средства защиты от потенциальных угроз.

Опасения, высказываемые гражданами, зачастую используются для обоснования мер по усилению контроля и надзора. Например, чрезвычайно популярные программы, основанные на теории «разбитых окон», утверждающей, что беспорядок в микрорайоне приводит к повышению уровня преступности, реализовывались без учета реальной обстановки в районе, а в связи с повышенной обеспокоенностью граждан. В криминологии высказываются противоположные оценки деятельности государства. Одни исследователи полагают, что государство манипулирует страхами населения в целях усиления контроля над поведением, а антитеррористическая политика не соответствует характеру и степени террористической угрозы. Другие, напротив, считают, что опасения граждан нельзя оставлять без внимания и необходимо принимать во внимание при разработке превентивных программ.

Делается вывод о том, что превентивные стратегии основываются на одновременном конструировании в общественном пространстве образа

преступника как врага, чужого, другого, а также конструировании жертвы как, с одной стороны, нуждающейся в защите, а, с другой стороны, обязанной принимать меры по собственной защите. Такая непоследовательность, характерная для современной американской и британской уголовной политики позволяет реализовывать жесткие популистские решения и, с другой стороны, минимизировать расходы на безопасность, перекладывая их на плечи граждан.

На основе проведенного анализа автор выявляет, что основной целью предупредительной деятельности является защита потенциальной или реальной жертвы. Потерпевшие получают более широкий круг прав в уголовно-процессуальной сфере. Кроме того, символическая фигура жертвы используется для придания большей легитимности в глазах общественности решений, направленных на усиление контроля за потенциальными правонарушителями в целях предупреждения совершения ими преступлений.

В четвертом параграфе *«Сетевые подходы к управлению в сфере предупреждения преступности»* рассматривается реформа государственного управления в США и Великобритании и ее влияние на изменение траектории уголовной политики с реактивной на превентивную. Делается вывод о том, что, несмотря на историческую укорененность многих современных практик предупреждения преступности, сетевая конфигурация управленческих механизмов, характерная для США и Великобритании в последние десятилетия, привела к изменениям в сфере управления контролем над преступностью.

Проводится анализ таких понятий, как управление («governance»), описываются ключевые характеристики управленческих сетей. Концепция сетевого управления представляет собой альтернативу государственно-центрированным способам управленческой деятельности, опирающимся на иерархически организованную бюрократическую систему. Реализация этой концепции на практике приводит к расширению числа субъектов предупредительной деятельности, которые по классификации криминологов включают надгосударственные, государственные, организации, действующие в интересах государства, организации, действующие независимо от него, а также представителей местных сообществ.

Наиболее продуктивным подходом к анализу новых сетевых сообществ в сфере обеспечения безопасности и предупреждения преступности является концепция узлового управления. Узловые механизмы существуют в разных формах и на разных уровнях управленческой деятельности. Каждый узел характеризуется такими параметрами как уникальное представление о способе противодействия преступности (одни узлы реализуют реактивные подходы, а другие – проактивные), методах (от поощрения и убеждения до принуждения), самостоятельные ресурсы и организационная структура. Узлы могут быть частью одной интегрированной сети, а могут существовать независимо. Выделяются также и «суперузлы» - командные центры,

объединяющие представителей других сетевых узлов, их ресурсы и технологии.

Подчеркивается, что изменение управленческой парадигмы не приводит к вытеснению государства из пространства обеспечения безопасности или к снижению его роли. Напротив, государство активно регулирует деятельность субъектов, реализующих программы предупреждения преступности, устанавливает стандарты безопасности, следит за тем, чтобы частные игроки не ущемляли интересы граждан при предоставлении услуг в сфере обеспечения безопасности.

Делается вывод о том, что в сфере предупреждения преступности сетевые модели управления являются доминирующими. Открытыми остаются вопросы об обеспечении прозрачности и подотчетности деятельности сетевых сообществ, вовлеченных в управленческую деятельность, а также о роли и месте государства и его институтов в условиях новых глобальных рисков и вызовов.

Третья глава *«Институт наказания»* состоит из трех параграфов, в которых рассматривается процесс постепенного смещения целей наказания с возмездия и ресоциализации на общую и частную превенцию, в том числе теоретическое обоснование этой трансформации.

В первом параграфе *«Классическая школа криминологии: становление представлений о превентивных целях наказания»* основное внимание уделяется философской теории наказания и основным подходам, подводящим теоретическое обоснование под существование этого института. Утверждается, что двумя основными теоретическими моделями, оправдывающими существование института наказания, являются ретрибутивизм и утилитаризм (консеквенциализм). Первый берет свое начало в работах И. Канта и Г. Гегеля, а второй – в трудах представителей классической школы криминологии. Главной исходной предпосылкой для обоих является утверждение о том, что наказание является злом, поскольку оно причиняет моральные, материальные и физические страдания тому лицу, к которому оно применяется. Вместе с тем, это зло является оправданным. Для ретрибутивистов наказание допустимо постольку, поскольку оно служит цели восстановления справедливости. Для утилитаристов главной целью наказания является предупреждение преступлений в будущем.

Анализируя взгляды представителя классической школы криминологии Ч. Беккариа, автор приходит к выводу, что именно в его трудах содержится основа для современных утилитаристских взглядов на природу наказания. Обращая свои труды законодателю, Беккариа отстаивает позицию, что регулировать преступность возможно с помощью установления разумной «цены» за совершение преступления. Такой «ценой» является наказание, призванное служить противовесом человеческим страстям, которые толкают индивида на путь совершения преступления. В основе человеческой природы, по мнению мыслителя, лежит стремление к удовольствиям и к максимизации собственной выгоды. Препятствием на пути этого стремления

должен стать закон, который сделает противоправное поведение невыгодным. Цель наказания для Беккариа всегда обращена в будущее, а не в прошлое, а осужденные – лишь средство, которое используется для того, чтобы подать пример обществу.

Рассматриваются взгляды Беккариа о характеристиках, которым должно соответствовать эффективное (с точки зрения превенции) наказание. Такое наказание должно быть предусмотрено законом, публичным, незамедлительным, необходимым, наименьшим из возможных при данных обстоятельствах, соразмерным преступлению. Соразмерность при этом не означает идентичности преступления и наказания, хотя наказание должно соответствовать причиненному вреду, но не личности нарушителя закона. Усиление наказаний возможно в условиях общественного неурядиства, но с ростом благополучия наказания должны становиться гуманнее. Интересной является и интерпретация принципа неотвратимости: не любое преступление должно быть наказано, а лишь то, о котором стало известно обществу. Руководствуясь практическими соображениями, Беккариа ратует за умеренность наказаний. Умеренное, но неотвратимое наказание будет более полезно, чем жестокое, но такое, которого можно избежать. Выступая против смертной казни, Беккариа обосновывает свою позицию в том числе тем, что это наказание обладает меньшей устрашающей силой, чем более продолжительное наказание (как, например, рабский труд).

Утилитаристская доктрина наказания окончательно формулируется в работах Дж. Бентама. Он, как и Беккариа, полагает, что в основе человеческих поступков лежат два мотива: увеличение удовольствия и избегание страдания. Закон призван создать условия для такого взаимодействия людей, при котором они могли бы максимально максимизировать свое удовольствие. Наказание он относит к политическому способу влияния на поведение человека. Оно является допустимым лишь в том случае, если с его помощью можно устранить какое-либо большее зло. Главной целью наказания, как полагает Бентам, является контроль над потенциальными действиями преступника. Таким образом, он рассматривает индивидуальную превенцию в качестве значимой цели наказания, а возмещение вреда лишь в качестве побочной цели. Также он видит полезность наказания в его способности удерживать других от совершения преступлений. Бентам полагает, что наказание должно быть неотвратимым, незамедлительным, публичным и пропорциональным.

Делается вывод о том, что в работах представителей классической школы криминологии обосновывается взгляд на наказание как инструмент, обращенный в будущее, призванный удерживать потенциального правонарушителя и других граждан от совершения преступления. В 20-21 веке именно эта идея ложится в основу превентивной политики США и Великобритании. Разработанные два века назад идеи используются для определения целей наказания и совершенствования полицейской деятельности.

Во втором параграфе «*Ретрибутивистская критика наказания как механизма предупреждения преступности*» рассматривается, какие положения утилитаристского подхода подвергаются сомнению представителями другого теоретического течения, которое настаивает на том, что применение наказания к преступнику является обязанностью государства не потому, что это послужит превентивным целям, а потому что иначе государство отступит от принципов справедливости.

Выявляется, что основная критика утилитаристского подхода связана с сомнением в эффективности как частной, так и общей превенции. Кроме того, следование консеквенциалистской доктрине на практике может приводить к применению наказания к постепенно расширяющемуся кругу граждан, включающему, в том числе, и тех, кто не совершал преступлений, применению диспропорциональных, чрезмерно суровых и показательных наказаний. С другой стороны, утилитаристский подход может приводить и к нарушению принципа равенства и применению наказания не ко всем нарушителям закона, а лишь в тех случаях, когда превентивный эффект будет максимальным.

Анализируя альтернативный утилитаристскому, ретрибутивистский подход к обоснованию наказания, автор указывает на существование множества версий этого течения. Ретрибутивизм представляет собой наиболее последовательную критику утилитаризма и свойственного ему видения наказания как превентивного механизма. В основе ретрибутивистской теории лежат идеи И. Канта и Г. Гегеля, которые полагают, что применение наказания является обязанностью государства, а его целью является восстановление справедливости. Наказание – заслуженное возмездие, обратная сторона преступления. Ретрибутивизм, в отличие от утилитаризма, обращен в прошлое, а не в будущее. Кант отвергает саму мысль о том, что наказание может преследовать благую цель, способствовать извлечению пользы для преступника или общества в целом. Он резко критикует консеквенциалистский взгляд на наказание как средство содействия другому благу. Гегель высказывается против рассмотрения наказания в качестве средства устрашения. Оно является платой за совершенное преступление, назначается заслуженно и является пропорциональным совершенному деянию.

Делается вывод о том, что ретрибутивистские идеи в большей степени соответствуют общественным представлениям о сущности наказания и отчасти нашли отражение в законодательстве семьи общего права. Вместе с тем, в законодательстве находится место и для другого подхода к целям наказания.

В третьем параграфе «*Наказание в США и Великобритании: от реабилитации к социальной защите*» рассматривается еще одна утилитаристская доктрина наказания, принципы которой нашли отражение в превентивной политике США и Великобритании.

Указывается, что первоначально идеи о «социальной защите» как цели уголовной политике были сформулированы в конце 19 в. А. Принсом и в дальнейшем развивались в работах Э. Ферри, Ф. Листа, М. Анселя и др. Сторонники этого подхода, в отличие от классических утилитаристов и ретрибутивистов, отрицают наличие у индивида свободы воли. Юридическая ответственность заменяется идеей социальной ответственности – индивид, даже изначально поставленный в не самые благоприятные для себя обстоятельства, должен нести ответственность перед обществом. Наказание не является при этом действенным способом противодействия преступности, а его основной задачей является превенция. Оно выполняет функцию обороны от последующих действий преступника.

Доктрина социальной защиты, как и утилитаризм, обращает взгляд в будущее, ратует за то, чтобы предвидеть и предотвращать тот вред, которые может причинить неблагонадежный индивид в будущем. Она рассматривает ресоциализацию в качестве одной из возможных целей наказания, однако не ключевой. Гораздо более важной становится изолирующая функция наказания. А в своих крайних проявлениях, это направление ратует за физическое уничтожение наиболее опасных преступников. Наказание, с точки зрения представителей «социальной защиты», чтобы оно могло достичь цели превенции, должно назначаться не только с учетом степени вреда, причиненного деянием. Но, прежде всего, оно должно учитывать степень опасности правонарушителя для общества. При этом доктрине свойственна вера в способность науки точно и объективно оценивать степень риска, исходящего от индивида.

Делается вывод о том, что в англоязычной криминологической литературе термин «социальная защита» не получил широкого распространения. Вместе с тем, идеи этого направления развиваются в идеях ряда теоретиков уголовного права. Так, наказание рассматривается как способ необходимой обороны или же как разновидность карантина, применяемого к нарушителям закона по аналогии с мерами карантина, применяемыми к лицам, больным инфекционными заболеваниями.

Прослеживается изменение доктрины и практики применения наказания в США и Великобритании. На протяжении последних десятилетий прослеживается отход от консеквенциалистской идеи ресоциализации как основной функции наказания к видению наказания как способа управления рисками, исходящими от наиболее опасных правонарушителей. Наказание воспринимается как превентивный инструмент, который достигает цели снижения преступности за счет перемещения «опасных» индивидов с городских улиц в тюремное гетто. Постепенно идея селективной изоляции как цели наказания получает большую поддержку среди политиков и практиков, несмотря на критику ведущих криминологов. Делается вывод о том, что новая англо-американская доктрина наказания – это разновидность доктрины социальной защиты, однако без присущей той приверженности детерминизму и вере в общепревентивный потенциал наказания.

В четвертом параграфе «*Селективная изоляция осужденных и феномен массового тюремного заключения*» подробно изучается принцип селективной изоляции, который впервые используется в 1975 г. в США и используется для обозначения стратегии назначения наказания, которая предполагает изменение срока лишения свободы в зависимости от степени риска, которую представляет собой осужденный. В ее основе лежит идея о том, что изоляция небольшого числа преступников, которые совершают наибольшую часть всех регистрируемых преступлений, будет способствовать существенному снижению уровня преступности.

Принцип селективной изоляции предполагает, что существует достоверный научный способ оценки рисков, исходящих от каждого конкретного индивида, и что возможно составить достаточно точный прогноз рисков, исходя из информации о прошлой жизни индивида. Вместе с тем, его оправданность вызывает большие сомнения у специалистов в области уголовного права, которые полагают, что применение принуждения в целях предупреждения преступлений в будущем вряд ли можно признать оправданным.

Рассматриваются особенности применения принуждения в отношении лиц, которые были осуждены, но в отношении которых есть основания полагать, что по истечении установленного срока наказания они по-прежнему будут представлять опасность для общества. Принуждение применяется в качестве полностью превентивной меры, в связи с чем, в первую очередь, возникает вопрос о способности науки точно прогнозировать поведение. Описываются различные способы оценки рисков и указывается, что современные технологии имеют ряд существенных ограничений. Зачастую оценки являются ложно положительными или ложно отрицательными. Кроме того, в ряде случаев методики оценки рисков невозможно независимо оценить, поскольку используемые инструменты разрабатываются по государственному заказу частными компаниями и охраняются в соответствии с законодательством о коммерческой тайне. Таким образом, при применении инструментов оценки рисков нарушается принцип определенности.

Анализируются нормативно-правовые акты США и Великобритании, в которых на законодательном уровне закрепляется применение принципов селективной изоляции. Так, в Великобритании лица, совершившие тяжкие насильственные преступления или преступления на сексуальной почве, могли быть осуждены к неопределенному по длительности сроку наказания в том случае, если суд придет к выводу о наличии существенного риска причинения серьезного вреда членам общества в случае повторного совершения подобных преступлений. Применение этого правила внесло существенный вклад в то, что Великобритания занимает одно из первых мест среди стран северной и западной Европы по уровню заключенных на душу населения. Рост числа осужденных приводит к переполненности тюрем,

росту числа насильственных преступлений, совершаемых в местах лишения свободы, повышению нагрузки на бюджет и налогоплательщиков.

Демонстрируется, что в США принципы селективной изоляции нашли свое отражение в законах о «трех ударах», а также в законах штатов, которые позволяли рассматривать дела о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, не в специализированных судах, а в судах для взрослых. В результате пенитенциарная система США является крупнейшей в мире. В настоящий момент под контролем исправительной системы находится около 7 миллионов человек. При этом рост числа заключенных продолжается, несмотря на одновременную тенденцию к снижению уровня преступности, в первую очередь насильственной. Кроме того, в структуре заключенных явно прослеживается расовый дисбаланс.

Отмечается, что мировое лидерство США в сфере применения наказания можно объяснить с помощью феномена карательного популизма, который стал следствием недоверия граждан системе уголовной юстиции и распространенностью карательных взглядов среди населения. Другое объяснение, которое предлагают криминологи, это стремление использовать тюрьму в качестве способа решения социальных проблем. При этом тюрьма становится продолжением гетто, позволяющим нейтрализовать ту символическую угрозу, которую белое население склонно приписывать афроамериканцам.

Четвертая глава *«Превентивные принудительные меры»* состоит из 4 параграфов.

В первом параграфе *«Понятие и классификация превентивных принудительных мер»* рассматривается широкий спектр принудительных мер, основной задачей которых является превенция. Указывается, что англо-американская система права в течение долгого времени отрицала возможность применения принуждения вне рамок стандартного уголовного судопроизводства. В целях отграничения превентивных мер от наказания используется термин «превентивная юстиция». Границы этого термина весьма подвижны и могут включать как меры реагирования на уже совершенное преступление (задержание подозреваемого, применение мер пресечения), так и меры, направленные на предотвращение преступлений, которые еще не были совершены. В систему норм, предусматривающих принудительное воздействие, входят нормы, содержащиеся в различных отраслях права: административном, уголовном, уголовно-процессуальном, законодательстве о деятельности правоохранительных органов и частных охранных предприятий и т.д.

В США и Великобритании применяется множество мер, которые можно классифицировать как превентивные принудительные меры. Например, наиболее широко известными и обсуждаемыми в литературе мерами являются превентивное задержание, меры в отношении потенциальных террористов и половых преступников. На тех лиц, к которым применяются данные меры, не распространяются те гарантии, которые

имеются у обвиняемых в уголовном процессе. Несмотря на то, что превентивные инструменты зачастую полностью лишают индивида возможности участвовать в общественных делах или вести осмысленную жизнь, при их назначении проводится лишь минимальная проверка обоснованности.

Предлагается классификация принудительных превентивных мер в зависимости от степени ограничения свободы индивида, от вида и числа предоставляемых процессуальных гарантий. Кроме того, меры классифицируются в зависимости от того, применяются ли они до совершения лицом преступления (меры реакции на пред-преступления или угрозу риска) или после (пост-криминальные меры). Последние, в свою очередь, можно подразделить на меры пред-наказания и пост-наказания. К превентивным мерам пред-криминальной стадии относятся меры в отношении потенциальных террористов и лиц, обладающих информацией о террористических угрозах, судебные приказы в отношении лиц, демонстрирующих антиобщественное поведение, а также лиц, совершивших акты домашнего насилия, проявивших агрессию по отношению к сотрудникам на работе, меры полицейского реагирования и др. Превентивные пост-криминальные меры включают меры пресечения, наказание, меры, назначаемые после отбытия наказания, ограничительные запреты в отношении членов банд и т.д.

Одним из наиболее спорных вопросов является вопрос о границах между наказанием и иными превентивными принудительными мерами. Дается сравнительный анализ позиции Верховного Суда США и Европейского Суда по правам человека. Согласно первой, мера считается наказанием, если она влечет ограничение прав, в исторической ретроспективе рассматривалась в качестве наказания, при ее применении требовалось установление заведомости деяния, она служит традиционным целям наказания, назначается за совершение преступления, при наличии альтернативной цели эта мера не является чрезмерной в свете альтернативной цели. Европейский Суд полагает, что не формальные характеристики примененной процедуры назначения меры, а характер правонарушения, послуживший поводом для ее назначения, а также особенности этой меры (характер, продолжительность, способ исполнения) должны определять, является ли мера наказанием. При этом суды занимают принципиально разные позиции относительно того, является ли наказанием принудительное содержание под стражей осужденных после отбытия ими наказания.

Во втором параграфе «*Основания и пределы допустимости применения превентивных принудительных мер*» указывается, что основной проблемой применения принуждения в превентивных целях является то, что оно применяется до того, как совершается преступление, а не в качестве реакции на уже совершенное деяние. Анализируется дискуссия об основаниях применения силы в превентивных целях, а также дискуссия о допустимости

и моральных основаниях пред-наказания – применения наказания до того, как преступление совершено.

Позиция как сторонников, так и противников пред-наказания показывает нам, что оно может иметь превентивный эффект, но только лишь как средство общей превенции. Если же говорить о частнопревентивном эффекте, то он у пред-наказания отсутствует: оно не просто не исключает совершения преступления осужденным, но и гарантирует, что преступление произойдет. В этом заключается, одно из ключевых отличий между пред-наказанием и принудительными превентивными мерами. Эти меры оправданы лишь в том случае, если они исключают совершение преступления, на предупреждение которого они направлены. Дискуссия о пред-наказании наглядно демонстрирует, что одним из ключевых вопросов, от решения которого будет зависеть мнение о допустимости превентивных принудительных мер, является вопрос о наличии у индивида свободы воли. Если придерживаться детерминистских позиций и рассматривать преступление как результат воздействия внешних по отношению к индивиду факторов, а не его воли, то применение к нему силы, при наличии высокой вероятности совершения им преступления, не будут казаться таким уж необоснованным.

Обсуждается проблема того, являются ли принудительные меры оправданными на всех стадиях предупредительной деятельности, в том числе на стадии профилактики. Для решения этого вопроса рассматриваются вопросы о достоверности экспертных и оперативно-розыскных данных, используемых для целей прогнозирования совершения преступления в будущем, об уважении автономии индивида и доверия к его способности воздержаться от совершения преступления, о возможной дискриминации отдельных групп населения, которые наиболее часто воспринимаются как потенциальные правонарушители, о чрезмерном прогнозировании будущих событий и создании ложных прогнозов, о несоразмерной реакции на незначительные действия, не представляющие большой общественной опасности, об высокой стоимости превентивных принудительных мер, о трудностях, связанных с нахождением баланса между правом граждан на безопасность и правом на неприкосновенность.

Анализируется оправданность применения механизма криминализации в целях легитимации применения превентивных принудительных мер. Указывается, что в случае криминализации пред-преступлений угроза причинения вреда является достаточно отдаленной. При этом тенденция к необоснованному расширению числа общественно-опасных деяний, чрезмерная репрессивность уголовного закона являются отчетливыми чертами современной уголовной политики в США и Великобритании. Сложность поиска теоретических оснований криминализации в этих странах осложняется отсутствием единого понятия преступления в уголовном законе. В уголовном законодательстве системы общего права к пред-преступлениям относятся неоконченные (*nonconsumate*) и незначительные (*nonconstitutive*)

преступления, деяния, когда индивид своими действиями создает угрозу вреда для других лиц, а также составы, образующие приготовление к преступлению. Их особенность заключается в том, что они не причиняют реального ущерба другим индивидам. Поэтому криминализация таких деяний не соответствует принципу, характерному для этой правовой семьи о невозможности ответственности в отсутствии вреда охраняемым ценностям.

Следствием криминализации большого числа пред-преступлений стал феномен сверхкриминализации. Уголовное право все чаще становится механизмом превенции и инструментом регулирования, наряду с такими механизмами, как налоги и сборы. Приводятся аргументы против такого использования уголовного закона: привлечение к уголовной ответственности приводит к чрезмерно тяжелым последствиям в случае совершения пред-преступлений; возникают сомнения в моральной оправданности применения наказания за действия, которые не дают повода для морального осуждения; уголовная ответственность наступает без намерения причинить вред или создать угрозу причинения вреда; индивид лишается возможности добровольно отказаться от совершения преступления.

Делается вывод, что использование не ретрибутивистской, а утилитаристской логики при анализе превентивных принудительных мер позволяет позитивно оценивать даже сверхкриминализацию на основании того, что эти меры направлены на достижения большего блага для большего числа людей. В тех условиях, когда безопасность воспринимается обществом как наибольшая ценность, тенденция к сверхкриминализации будет продолжаться.

В третьем параграфе *«Превентивное заключение под стражу»* подробно рассматривается одна из наиболее распространенных превентивных принудительных мер, основанием применения которой является не установление виновности в совершении преступления, а прогноз относительно вероятности причинения лицом вреда в будущем.

Указывается, что такие меры могут применяться к лицам, которые уже были ранее осуждены за совершение преступления. В таком случае они являются продолжением наказания. Верховный Суд США пришел к выводу об оправданности применения таких мер к лицам, срок отбывания лишения свободы для которых истек, и которые не совершили никакого нового преступления, на основании того, что у них было диагностировано расстройство личности, которое не позволяло контролировать антисоциальное поведение.

Анализируется также порядок и основания применения превентивного заключения под стражу в отношении лиц, которые подозреваются в причастности к террористической деятельности в США. Верховный Суд США допустил назначение этой меры при условии соблюдения жестких ограничений процессуального характера. Он также признал недопустимость ее применения в качестве меры, альтернативной наказанию, и для общепревентивных целей. В настоящее время существует три основания для

избрания превентивного заключения под стражу: подозрение в том, что лицо может совершить террористический акт (при отсутствии оснований задержания в уголовно-процессуальном порядке), подозрение в отношении свидетеля в том, что он скроется в случае вручения судебной повестки, невозможность привлечения к уголовной ответственности ввиду невозможности раскрытия источников данных по соображениям безопасности.

Указывается, что в Великобритании превентивное задержание регулируется на основе закона о мерах по предупреждению и расследованию терроризма 2011 г. Основаниями для применения меры являются небезосновательные предположения о том, что индивид был или в настоящий момент времени вовлечен в «новую» деятельность, связанную с терроризмом, если необходимо защитить общество от риска терроризма. Меры предполагают контроль за перемещениями лиц, установление для них комендантского часа, обязательства носить электронные браслеты, запрет использования сотового телефона, запрет доступа к компьютеру, ограничения по месту молитвы и запрет или ограничение посетителей. Срок действия меры - от 12 месяцев с возможностью продления, что дает возможность неограниченного ограничения свободы.

Дается оценка позиции специалистов в области уголовного права, которые полагают, что институт превентивного задержания представляет собой применение правовых норм по аналогии. Основания для применения меры являются достаточно неопределенными, отсутствует четкое указание на момент, с которого возможно применение меры. Делается вывод о том, что наиболее распространенным предложением о решении этой проблемы является криминализация тех деяний, за которые в настоящий момент предусмотрено превентивное заключение. Другая модель предполагает, что обоснование права государства предупреждать будущий вред можно найти в принципе необходимой обороны. В таком случае превентивные меры должны удовлетворять требованиям этого института.

В четвертом параграфе *«Предупреждение антиобщественного поведения и радикализации молодежи»* анализируются два вида превентивных мер, которые связаны с меньшими ограничениями прав и свобод, по сравнению с превентивным задержанием, однако приводят к серьезным последствиям для лиц, к которым применяются.

Рассматриваются история, правовые основания и порядок применения мер, направленных на минимизацию антисоциального поведения, в Великобритании. Судебные приказы о прекращении антиобщественных действий изначально были предназначены для регулирования антиобщественного поведения лиц старше десяти лет, которое причиняло беспокойство гражданам. В намерения законодателя при принятии закона входило направить новую меру на индивидов, которые постоянно совершают преступления, правонарушения или иные антиобщественные поступки, формально не влекущие ответственности. Задачей приказов являлось

противостояние не только единичным случаям нарушения порядка, а систематическим нарушениям. В настоящее время приказы о запрете антиобщественного поведения заменены на запреты, направленные на предупреждение неудобств и беспокойства, и приказы о запрете преступного поведения. За нарушение последнего следует уголовная ответственность в виде лишения свободы. Обе меры могут содержать как запреты, так и предписания о выполнении определенных действий, что усиливает их превентивные возможности.

Ключевыми особенностями приказов и запретов является, во-первых, их нацеленность на предотвращение будущих событий, во вторых, неопределенность понятия антиобщественного поведения, которое они призваны предупреждать, в-третьих, приоритет оценки личности, а не ее деяния, при решении вопроса о вынесении запретов и предписаний, в четвертых, гражданско-правовой стандарт доказывания при существенном вмешательстве в автономию индивида, и, наконец, принятие решения на основе лишь субъективной оценки судом вероятности степени риска, который исходит от определенного индивида. Отмечается, что данные меры явно воплощают основные отличительные черты современных подходов к предупреждению безопасности - нацеленность на минимизацию любой потенциальной опасности (при отсутствии четких критериев идентификации такой опасности) и взгляд в будущее. Делается вывод о том, что, приказы и запреты, направленные на предупреждение антисоциального поведения, можно рассматривать как флагман и символ уголовной политики в современном обществе риска.

Анализируется реализуемая в Великобритании с 2007 г. стратегия Prevent, являющаяся составной частью более общей антитеррористической программы. Стратегия направлена на противодействие радикализации граждан и снижение уровня террористической угрозы. Объектом предупреждения выступает потенциальный террорист, то есть индивид, которые в настоящий момент не является членом радикальной группировки, но в силу жизненных проблем или определенных событий способны в будущем обратиться к насилию.

Обращается внимание на то, что выполнение стратегии возложено не только на правоохранительные органы, но предполагает создание новых сетевых структур и партнерств, объединяющих граждан, учреждения системы уголовной юстиции, образования, здравоохранения, религиозные и благотворительные организации. Власти на местах и местные сообщества должны определять конкретные способы реализации программы, поскольку только они обладают необходимым знанием и пониманием контекста в конкретных регионах.

Автор приходит к выводу, что при отсутствии уверенности в предсказуемости будущего и, в связи с этим, эффективности превентивных программ, еще более остро встает вопрос о необходимости уважения прав и свобод человека в процессе осуществления предупредительной

деятельности. Даются рекомендации, касающиеся разработки и совершенствования мер, направленных на недопущение экстремизма в молодежной среде в Российской Федерации.

Пятая глава «*Ситуационное предупреждение преступлений*» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе «*Рациональный выбор: истоки и развитие теории в социальных науках*» рассматриваются основные положения и значение теории рационального выбора для развития одноименной теории в криминологии, а также теорий сдерживания, повседневных действий, возможностей, а также ситуационного предупреждения преступлений. Основой теории рационального выбора являются труды представителей шотландской философии нравственности, утилитаристами и неоклассической экономической школой. Ее основой является принцип методологического индивидуализма и экономического понимания природы индивида – человек в своих действиях рационален, т.е. руководствуется соображениями максимизации собственной выгоды. При этом каждый индивид самостоятельно определяет свой порядок предпочтений, поэтому теория рационального выбора всегда субъективна. В социологической науке становление теории рационального выбора связано с критикой функционализма, который отрицал утилитаристские взгляды. В политической науке идеи теории рационального выбора используются для объяснения функционирования политических институтов через объяснение индивидуального поведения.

Рассматриваются три основных постулата теории рационального выбора: поведение индивидов определяется их предпочтениями; условием совершения действий являются факторы, которые увеличивают (возможности) или снижают (ограничения) способность индивида удовлетворить свои потребности, т.е. индивид действует с учетом возможностей и ограничений; индивиды выбирают те из возможных (с учетом ограничений) действий, которые в наибольшей степени удовлетворяют их предпочтениям. При этом теория не предполагает, что люди в буквальном смысле все время подсчитывают выгоду от своего поведения, и не пытается объяснить все виды решений.

Важными элементами теории являются понятия риска и неопределенности. Как показывают исследования, отношение людей к риску влияет на их предпочтения. Люди делятся на склонных к риску, склонных избегать риска и относящихся к нему нейтрально. Что касается неопределенности, то люди будут воздерживаться от решения, результаты которого неизвестны, т.е. стремиться к безопасным действиям.

Критика теории рационального выбора появляется в результате эмпирической проверки теоретических положений. Оказывается, что решения людей далеко не всегда соответствуют критериям рациональности (оптимальности, последовательности и причинности). Кроме того, и сама теория не всегда может с уверенностью утверждать, каким должно быть

действие, отвечающее критериям рациональности. Делается вывод, что, несмотря на критику, теория рационального выбора занимает прочное место в ряду объяснений преступного поведения.

Во втором параграфе *«Теория сдерживания: влияние санкций на решимость совершить преступление»* анализу подвергаются положения первой криминологической теории, основанной на предпосылках теории рационального выбора. Обобщаются ее основные положения: при принятии решений люди руководствуются рациональными соображениями и подсчитывают выгоды и убытки от своего поведения; если совершить преступление менее выгодно, чем воздержаться от него, индивид не будет совершать деяние; наказание позволяет сделать совершение преступления менее выгодным; для того, чтобы выступать в роли сдерживающей силы, наказание должно быть в достаточной степени суровым, неотвратимым и быстрым; информация о суровости, неизбежности и быстроте санкций должна достигнуть сознания индивид; те индивиды, которые воспринимают санкции как более строгие, неизбежные или быстрые, совершают меньше преступлений.

Прослеживается история и основные этапы развития теории сдерживания: от первых работ в 1950-е гг. до настоящего времени. Автор демонстрирует, как из простого логического предположения о том, что уголовному закону и наказанию принадлежит существенная сдерживающая роль, она превратилась в сложную теоретическую конструкцию, вобравшую в себя идеи поведенческой экономики и когнитивной нейробиологии, детальным образом объясняющую механизм действия общей превенции через процесс субъективного восприятия санкций.

В теории сдерживания можно выделить два основных типа исследований. Первый тип изучает действие механизма наказания на макроуровне, соотнося данные о состоянии преступности с данными о применении наказания. Основным выводом этого направления является то. Что меры, связанные с обеспечением суровости и неотвратимости наказания слабо влияют на уровень преступности. Второй ставит в центр индивида и его восприятие санкций – от процесса формирования восприятия до эффекта, который оказывает восприятие на решимость совершить деяние. На первом этапе таких исследований ученые опирались на кросс-секционные методы и опросы студентов. Далее на смену этим методам пришли лонгитюдные с использованием панельных данных. Исследования показали, что санкции имеют низкий превентивный эффект. Однако неформальные санкции обладают несколько большим потенциалом. Ученые доказали, что суровость наказания практически не влияет на решимость совершить преступление, неотвратимость обладает сдерживающим эффектом, но лишь при определенных условиях, а вот быстрота вообще практически не была предметом серьезной оценки.

Анализируется, каким образом происходит интеграция теории сдерживания и экономической теории перспектив, теории научения и самоконтроля, теории ситуационного предупреждения преступлений.

В третьем параграфе *«Криминологическая теория рационального выбора: выгоды и издержки совершения преступления»* рассматривается еще одна теория, основанная на идеях о рациональном выборе как основе поведения индивида. В ее центре находится не наказание, а ситуация совершения преступления в целом. Анализируются основные предпосылки этой теории, к которым относятся следующие утверждения: преступление представляет собой рациональную деятельность, целью которой для правонарушителя является приобретение выгоды; рациональность правонарушителя является ограниченной, поскольку он действует в условиях ограниченного знания, риска и неопределенности; процесс принятия решений отличается для разных типов преступлений, а поэтому предупреждение преступлений будет отличаться в зависимости от этих типов; процесс принятия решений будет разным для первоначального вовлечения в преступную деятельность (решение о вовлечении) и для совершения конкретного преступления (решение о событии); решение о вовлечении состоит из трех стадий: решение о совершении преступления впервые (инициация), решение о продолжении совершения преступлений (привычка), решение о прекращении преступной деятельности (воздержание); решение о событии также делится на этапы (решение о приготовлении, выборе объекта, покушении, окончании преступления, путях отхода, о пост- преступных действиях).

В криминологии теория опирается на идеи экономистов Г. Беккера и Р. Познера и набирает популярность с 1980-х гг. Ее родоначальниками являются Р. Кларк и Д.Корниш. Автор приходит к выводу, что значение теории рационального выбора заключается в том, что она заставляет криминологов обращать больше внимания на изучение отдельных видов преступлений и того, каким образом они совершаются, какие «сценарии» развития имеет каждое преступление и преступная «карьер», а не заниматься изучением преступности в целом, как социального явления.

Отмечается, что в настоящее время теория сдерживания и теория рационального выбора сливаются в единую теорию. Эмпирической проверке подвергаются идеи о значении благ, которые нарушитель ожидает получить, совершая преступление; о том, какое влияние оказывает опыт на решимость продолжить преступную деятельность. Одна из последних моделей, разработанных в русле теории рационального выбора принимает во внимание как убытки, так и выгоду от совершения преступления, и может использоваться для совершенствования полицейской деятельности, осуществляемой на основе стратегий «горячих точек», случайного патрулирования и проблемно-ориентированного подхода.

Делается вывод о продуктивности интеграции теории рационального выбора и теорий самоконтроля, ситуативных действий и идей о наличии у

индивида двух систем мышления. Вместе с тем, интегративные модели заставляют усомниться в основополагающих идеях теории рационального выбора: в ходе эмпирической проверки индивид предстает как все менее разумное существо. Это заставляет ряд исследователей отказаться от теоретической модели рационального индивида и обратить внимание в пользу изучения чисто ситуативных аспектов механизма преступления. Вместе с тем, автор обращает внимание на еще не реализованный потенциал теории рационального выбора и ее значение для практики контроля над преступностью.

В четвертом параграфе *«Криминология окружающей среды и практическое воплощение ситуативных моделей превенции»* обосновывается, что развитие неоклассического направления в криминологии оказало наибольшее влияние на практику предупреждения преступности в конце 20 – начале 21 века. Все наиболее знаменитые стратегии противодействия преступности от «Соседского надзора» до «Безопасного города» основаны на идеях теорий сдерживания и рационального выбора, а также теории стандартных действий, исследованиях «горячих точек» преступности, теории близкого повтора и теории территориального моделирования рисков. Все эти теории разделяют идею о том, что преступление является результатом реализации появившейся возможности. Фокус исследований смещается с индивида на место совершения преступления. Исследования показывают, что существуют зоны, где преступность концентрируется. Соответственно, предсказать совершение преступления в такой зоне проще, чем прогнозировать преступное поведение отдельных индивидов. Делается вывод о том, что эти теории в равной степени подходят для объяснения и прогнозирования практически любых форм преступной деятельности.

Анализируется получивший наибольшее распространение в практике профилактики преступности подход – ситуационное предупреждение преступлений, который опирается в том числе на стратегию предотвращения преступлений с помощью дизайна окружающей среды.

Рассматриваются новые тенденции полицейской деятельности, основанные на применении информационных технологий для определения перспективных целей для полицейского вмешательства. Прогностическая полицейская деятельность берет на вооружение разные типы компьютерного моделирования, топографические методы, анализ сетей для определения места и времени, в которых наиболее высок риск совершения преступлений, лиц, которые с наибольшей вероятностью их совершат, потенциальных потерпевших. В настоящее время более половины полицейских департаментов используют прогностические технологии. Однако, пока не существует исследований, которые подтвердили бы, что эти технологии позволяют более эффективно осуществлять превентивную деятельность.

Утверждается, что ситуационные методы внесли вклад в снижение уровня преступности во многих странах мира. Вместе с тем, предупреждение

одних видов преступлений в одно место в ряде случаев приводило к их вытеснению в другие места, хотя иногда наблюдался и противоположный эффект – безопасность повышалась и в тех районах, которые находились вблизи районов, оснащенных средствами ситуационного предупреждения. Не следует забывать и о том, что преступность сравнительно быстро адаптируется к новым формам контроля.

Более серьезная критика ситуационных технологий предупреждения преступлений связана с тем, что они приводят к чрезмерному контролю над жизнью индивида, предполагают возможность тотального наблюдения над гражданами. Автор обращает внимание, что такой надзор может приводить к нарушению права на неприкосновенность частной жизни, приводить к снижению качества жизни. Кроме того, ситуационный подход игнорирует совокупность социальных, психологических, культурных объяснений преступности, часто способствует усилению страхов граждан, что препятствует солидарности и, тем самым, воспроизводит причины преступности.

В *Заключении* подводятся итоги исследования, формулируются предложения по совершенствованию отечественной криминологической науки и практики предупреждения преступности.

В *Приложениях* представлены: список использованных в исследовании зарубежных нормативно-правовых актов; список судебных решений; опросный лист по изучению мнения специалистов в области уголовного права и криминологии и результаты анкетирования; опросный лист по изучению мнения студентов высших учебных заведений и результаты их анкетирования; диаграммы, иллюстрирующие состояние преступности и наказания в США и Великобритании.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах общим объемом 71,95 п.л.:

I. Монографии

1. Сморгунова А.Л. Современная зарубежная криминология: критическое направление: Монография. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 190 с. (12 п.л.)
2. Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ: монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. – 400 с. (25 п.л.).

II. Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации результатов диссертационных изданий

3. Сморгунова А.Л. Политическая преступность: критическая криминология и междисциплинарный подход // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2006. – № 1. – С.51-61. (0,8 п.л.)
4. Сморгунова А.Л. Криминологическое образование в США // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – СПб., 2006. – № 1(10). – С.326-331. (0,4 п.л.)
5. Сморгунова А.Л. Политика в области контроля над преступностью в США: критика с позиций аболиционизма // Известия РГПУ им. А.И. Герцена №8 (34), 2007. – С. 148-158. (0, 7 п.л.)
6. Сморгунова А.Л. Стратегии контроля над преступностью в США и Великобритании: приватизация тюрем// Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2007. – №9 (35). – С. 149-158. (0,8 п.л.)
7. Сморгунова А.Л. История приватизации пенитенциарных учреждений за рубежом // История государства и права. – 2008. – № 3. – С. 35-37. (0,3 п.л.)
8. Сморгунова А.Л. Трансформация уголовной политики в США и Великобритании (конец XX – XXI вв.) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – № (56). – 2008. – С. 127-136. (0, 8 п.л.)
9. Сморгунова А.Л. Современное состояние преступности в США и Великобритании (обзор основных тенденций) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – №87. – С. 132-139. (0,5 п.л.)
10. Гуринская А.Л. Развитие теории рационального выбора в зарубежной криминологии и ее влияние на уголовную политику // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2010. – №120. – С. 203-216. (1 п.л.)
11. Гуринская А.Л. Международные стандарты и зарубежный опыт противодействия преступлениям ненависти // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2010. – №123. – С. 159-170. (1 п.л.)
12. Гуринская А.Л. Позитивистская традиция и критическое направление в криминологической мысли США и Великобритании: сравнение теоретических подходов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2010. – №134. – С. 101-114. (1 п.л.)
13. Гуринская А.Л. Управление безопасностью в школах: криминологические аспекты // Вестник Орловского государственного университета. – 2013. – №1 (30). – С. 16-20. (1 п.л.)
14. Гуринская А.Л. Надзор как средство обеспечения безопасности: от пространства тюрьмы до киберпространства // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – №2(33). С. 86-93. (1 п.л.)
15. Гуринская А.Л. Полицейская деятельность в Великобритании до создания полиции: середина XVIII – XIX вв. // Вестник Орловского государственного университета. – 2015. – №5(46). – С. 32-37. (1 п.л.)
16. Гуринская А.Л. Полицейская деятельность в Великобритании до создания полиции: раннее средневековье - XVIII век // Вестник Орловского государственного университета. – 2015. – №6(47). – С. 14-20. (1 п.л.)

17. Гуринская А.Л. Сетевые подходы к управлению в сфере контроля над преступностью // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 6. – 2016. – Вып. 1. С.40-55. (1 п.л.)

18. Гуринская А.Л. Механизмы предупреждения преступлений в Великобритании: судебные предписания о прекращении антиобщественного поведения // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2017. – №1 (25). – С. 31-41. (0,5 п.л.)

19. Гуринская А.Л. // Превентивные подходы в современной уголовной политике (на примере стратегии Prevent, Великобритания). // Научное мнение. Экономические, юридические и социологические науки. – 2017. – №2. – С. 49-55. (0,5 п.л.)

20. Гуринская А.Л. Принудительные превентивные меры в системе предупреждения преступлений в США и Великобритании: понятие и классификация // Научное мнение. Экономические, юридические и социологические науки. – 2018. – №1. – С. 14-19. (0,5 п.л.)

21. Гуринская А.Л. Способны ли частные охранники защитить жизнь и имущество? Восприятие российской молодежи / А.Л. Гуринская, М.К. Налла, Д.К. Рафаилова // Всероссийский криминологический журнал. 2018. – Т. 12. – № 3. – С. 338-348. (1 п.л.; авторское участие 0,75 п.л.)

III. Статьи на английском языке в рецензируемых изданиях, включенных в международные базы данных (Web of Science (ESCI), Scopus)

22. Gurinskaya A., Gilinskiy Y., Nalla M. K. Crime and punishment in Russia—an introduction. // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. – 2017. – №43(2). (0,3 п.л.; авторское участие 0,1 п.л.)

23. Gurinskaya A. Russian criminology as “Terra Incognita”: legacies of the past and challenges of the present // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. – 2017. – №43(2). – P. 1-21. (1,5 п.л.)

24. Nalla M. K., Gurinskaya A. Common past-different paths: Exploring state regulation of private security industry in Eastern Europe and post-Soviet republics / M.K. Nalla, A. Gurinskaya // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. – 2017. – P. 1-17. (1 п.л.; авторское участие 0,3 п.л.)

25. Nalla M. K., Gurinskaya A., Rafailova D. Youth Perceptions of Private Security Guard Industry in Russia / M.K. Nalla, A. Gurinskaya, D. Rafailova // Journal of Applied Security Research. 2017. – Vol. 12. – №. 4. – P. 543-556. (1 п.л.; авторское участие 0,25 п.л.)

26. Gurinskaya A. 'Preventive Turn' and Collaboration in Governance of Crime: Russian Criminologists' Attitudes // Proceedings of the International Conference IMS-2017. – ACM, 2017. – P. 286-291. (1 п.л.)

27. Gurinskaya A., Nalla M. The Expanding Boundaries of Crime Control: Governing Security through Regulation //The ANNALS of the American

Academy of Political and Social Science. – 2018. – Vol. 679. – №. 1. – P. 36-54. (1,5 п.л.; авторское участие 1 п.л.)

III. Публикации в иных научных изданиях:

28. Сморгунова А.Л. Смертная казнь в политической философии М. Фуко // Герценовские чтения. 2000. Актуальные проблемы политологии и социологии. – СПб., 2000. С. 112-113. (0,2 п.л.)

29. Бурлаков В.Н., Гишинский Я.И., Сморгунова А.Л., Шестаков Д.А. Зарубежная и российская криминология сегодня // Правоведение. – 2000. – №4. – С. 234-240. (0,5 п.л.; авторское участие 0,1 п.л.)

30. Сморгунова А.Л. Роль семьи в ресоциализации осужденных к лишению свободы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2002. № 1(2). – С. 26-264. (0,3 п.л.)

31. Колесников В.В., Милюков С.Ф., Сморгунова А.Л. Политика в отношении оборота наркотиков в России и США // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2002. – № 2(3). – С. 222-232. (0,7 п.л./ авторское участие 0,2 п.л.)

32. Сморгунова А.Л. Концепция власти Мишеля Фуко и проблема смертной казни // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2002. – № 2(3). – С. 131-136. (0,4 п.л.)

33. Милюков С.Ф., Сморгунова А.Л., Степанова И.Б. Философия преступления (ноябрьский семинар Санкт-Петербургского криминологического клуба) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2002. – № 4(5). – С. 180-184. (0,4 п.л.; авторское участие 0,1 п.л.)

34. Сморгунова А.Л. Проблема наказания в политической философии М. Фуко // Идея государственности в современном праве России: Сборник статей городской студенческой межвузовской конференции. – СПб, 2003. – С. 97-99. (0,3 п.л.)

35. Сморгунова А.Л. Понятие беловоротничковой преступности в американской криминологии // Взаимодействие личности, образования и общества в изменяющихся социокультурных условиях: Межвузовский сборник научных статей. – СПб: ЛОИРО, 2003. – С. 92-95. (0,2 п.л.)

36. Сморгунова А.Л. Российская и зарубежная политическая криминология: различие подходов. // Право и политика: Сборник статей и тезисов. – Вып. II. – СПб, 2003. – С. 234-236. (0,3 п.л.)

37. Сморгунова А.Л. Конструктивная криминология. // Герценовские чтения. 2003. Актуальные проблемы юриспруденции. – СПб, 2003. – С. 245-248. (0,4 п.л.)

38. Сморгунова А.Л. Образовательные программы в частных тюрьмах США. // Образование и право: статус участников образовательных отношений: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. – СПб, 2003. – С. 80-82. (0,2 п.л.)

39. Сморгунова А.Л. Построение системы криминологического образования в США // Взаимодействие личности, общества и образования в современных социокультурных условиях: Межвузовский сборник научных трудов. – СПб, 2005. – С. 41-44. (0,3 п.л.)

40. Сморгунова А.Л. Основные особенности англо-американской криминологической школы // Реальность этноса. Глобализация и национальные традиции образования в контексте Болонского процесса. Материалы VII Международной научно-практической конференции «Реальность этноса». – СПб, 2005. – С. 522-525. (0,3 п.л.)

41. Сморгунова А.Л. Понятие и место критического направления в современной англо-американской криминологии // Герценовские чтения 2004. Актуальные проблемы юриспруденции: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – СПб, 2005. – С. 276-280. (0,3 п.л.)

42. Сморгунова А.Л. Женская виктимизация и внутрисемейное насилие: взгляд с позиций феминистской криминологии. // Личность, общество и образование в современной социокультурной ситуации: Межвуз. сб. науч. тр. – СПб, 2006. – С. 336-340. (0,3 п.л.)

43. Сморгунова А.Л. Феминистское направление в современной зарубежной критической криминологии. Реальность этноса. Материалы VIII Международной научно-практической конференции «Реальность этноса». – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. – С. 681-684. (0,3 п.л.)

44. Сморгунова А.Л. Современные стратегии контроля над преступностью в США и Великобритании: привлечение частного капитала // Герценовские чтения 2005. Актуальные проблемы юриспруденции: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – СПб, 2006. – С. 173-177. (0,3 п.л.)

45. Сморгунова А.Л. Современная политика в области контроля над преступностью в США и Великобритании: критический подход. // Региональные аспекты управления, экономики и права Северо-западного федерального округа России: Межвузовский сборник научных трудов. – СПб, 2006. – С. 234-238. (0,4 п.л.)

46. Сморгунова А.Л. Анализ проблем наказания в критической феминистской криминологии. // Региональные аспекты управления, экономики и права Северо-западного федерального округа России: Межвузовский сборник научных трудов. – СПб, 2006. – С. 181-185. (0,4 п.л.)

47. Сморгунова А.Л. Насилие в семье: анализ с позиций феминистской криминологии. // Преступность несовершеннолетних: психолого-юридические аспекты: Материалы межвузовской научно-практической конференции Санкт-Петербург, 6 апреля 2007 г. – СПб, 2007. – С. 328-332. (0,3 п.л.)

48. Сморгунова А.Л. Понятие преступления: символический интеракционизм и теория стигматизации. // Реальность этноса. Педагогическое образование как важнейший фактор сохранения и развития северных народов. Материалы IX Международной научно-практической

конференции. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – С. 521-526. (0,4 п.л.)

49. Сморгунова А.Л. Преступления ненависти: понятие и масштабы // Реальность этноса. Образование и гуманитарные технологии интеграции этнической, этнорегиональной и гражданской идентичности. Материалы X Международной научно-практической конференции. (Санкт-Петербург, 8-11 апреля 2008 г.) / под научн. ред. И.Л. Набока. – В 2-х частях. Часть 1. – СПб.: Асетрион, 2008. – С. 126-131. (0,4 п.л.)

50. Сморгунова А.Л. Анализ проблем насилия над женщинами в англо-американской феминистской криминологии // Гендерное равноправие в России. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Первого Всероссийского женского Съезда 1908 г. 21-23 марта 2008 г. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 264-267. (0,3 п.л.)

51. Гуринская А.Л. Некоторые вопросы уголовной ответственности за нарушение правил оборота наркотических средств и психотропных веществ в медицинских учреждениях // Опыт межнационального и межрелигиозного взаимодействия как основа мультикультурного общества: Учебно-методическое пособие. – СПб.: «Айсинг», 2010. – С. 36-42. (0,3 п.л.)

52. Гуринская А.Л. Права потерпевших в контексте либерализации уголовного законодательства // Герценовские чтения – 2013. Актуальные проблемы теории права и гражданско-правового образования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 2013 / под ред. В.Ю. Сморгуновой. – СПб.: «АЙСИНГ», 2013. – С.43-48. (0,5 п.л.)

53. Гуринская А.Л. Уголовная политика как политика безопасности: вызовы современности // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен // Материалы IX Российского Конгресса Уголовного права, состоявшегося 29-30 мая 2014 г. / отв. ред. В.С.Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 260-263. (0,4 п.л.)

54. Гуринская А.Л. Неолиберальная уголовная политика: безопасность, приватизация и роль государства // Теории и проблемы политических исследований. – 2014. – №1-2. – С. 13-39. (1 п.л.)

55. Гуринская А.Л. *Salus populi suprema lex*: безопасность как общественное благо в политико-правовой мысли Т.Гоббса и Дж.Локка // Всероссийская научно-практическая конференция Герценовские чтения - 2014. Актуальные проблемы теории права и гражданско-правового образования. СПб., Изд-во «Алеф-Пресс», 2014. – С. 63-70. (0, 5 п.л.)

56. Гуринская А.Л. Криминологическое понятие безопасности: постановка проблемы // Международная научно-практическая конференция Преступность, девиантность и социальный контроль в эпоху постмодерна: Материалы международной научно-практической конференции 2014 / Под ред. Н.А.Исаева и А.В.Комарницкого – СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2014. – С. 79-88. (1 п.л.)

57. Гуринская А.Л. Теории рационального выбора как основа современной уголовной политики (политики безопасности) // Сети в

публичной политике. Политическая наука: Ежегодник 2014; гл. ред. А.И.Соловьев. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – С. 311-330. (1 п.л.)

58. Гуринская А.Л. Генри Шу о безопасности как основном праве: к вопросу о конституционно-правовых критериях ограничения прав человека и гражданина // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции: 31 октября 2014 г./ отв. ред. Е.Н. Рахманова. – СПб.: Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – 2014. – С. 82-86. (0,3 п.л.)

59. Гуринская А.Л. Концепция узлового управления в сетях и уголовная политика // Управление публичной политикой: Коллективная монография / под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. – С. 112-123. (1 п.л.)

60. Gurinskaya A. Trial by jury in Russia: From the cornerstone of the judicial reform to the constitutional history artifact //Varstvoslovje. Journal of Criminal Justice and Security. – 2015. – Vol. 17. – №. 1. – P. 62-81.(1 п.л.)

61. Nalla M.K., Gurinskaya A., Dzhmytryeva A. Exploring the nature of the private security guard industry in Russia: How does it compare with other Eastern European Countries? // Преступность и социальный контроль в обществе постмодерна. Сборник материалов XXVIII международной Балтийской криминологической конференции. В. 2 ч. Ч. 2. – СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2015. – С. 42-53. (0,7 п.л.; авторское участие 0,25 п.л.)

62. Гуринская А.Л. Институт административного надзора в контексте концепции превентивной юстиции // Герценовские чтения – 2015. Актуальные проблемы права и гражданско-правового образования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 2015. – СПб.: «Алеф-Пресс», 2015. – С. 45-48. (0, 3 п.л.)

63. Гуринская А.Л. Декриминализация преступлений небольшой тяжести с точки зрения современной теории уголовного права и криминологии: дискуссионные вопросы // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции: Санкт-Петербург, 30 октября 2015 г. / отв. ред. Е.Н. Рахманова. – СПб: ИД «Петрополис», 2015. – С. 60-69. (0, 4 п.л.)

64. Гуринская А.Л. Дискуссионные вопросы криминализации и декриминализации деяний с точки зрения современной криминологической теории. // Криминологические основы уголовного права // Материалы X Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26-27 мая 2016 г. / отв. ред В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 71-75. (0, 3 п.л.)

65. Гуринская А.Л. Предупреждение антиобщественного поведения: опыт Великобритании // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции «Уголовная политика и правоприменительная

практика». Санкт-Петербургский филиал Российской академии правосудия. – СПб., 2017. – С. 91-100. (0, 4 п.л.)

66. Gurinskaya A., Gilinskiy Y. Social exclusion, crime and victimization: the Russian experience / A. Gurinskaya, Y. Gilinskiy // Current problems of the penal law and criminology / Ed. by Pływaczewski E.W., Ewa M. Guzik-Makaruk. – Warsaw: Wydawnictwo C.H.Beck, 2017. – P. 469-481. (1 п.л.; авторское участие 0,5 п.л.)

67. Гуринская А.Л. Запрет на поездки как мера предупреждения терроризма: основания и порядок применения // Герценовские чтения - 2017. Актуальные проблемы права и гражданско-правового образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – СПб.: Изд-во ООО "НИЦ-АРТ". – С. 66-69. (0,3 п.л.)

68. Гуринская А.Л. Обеспечение безопасности как приоритет англо-американской уголовной политики: «превентивный поворот» в контроле над преступностью // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики: материалы XI Российского конгресса уголовного права, посвященного памяти доктора юридических наук, профессора Владимира Сергеевича Комиссарова, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2018 г. – М.: Юрлитинформ, 2018. – С. 352-355. (0,3 п.л.)

69. Гуринская А.Л. Причины преступности и противодействие ей: отношение специалистов в области уголовного права и криминологии // Уголовная политика и правоприменительная практика / Сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции: 3 ноября 2017 г. // Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» / отв. ред. Е.Н. Рахманова. — СПб: ИД «Петрополис», 2017. – С. 105-117. (0, 5 п.л.)

70. Гуринская А.Л. Процессуальная справедливость, легитимность и доверие как криминологически значимые категории / Герценовские чтения – 2018. Актуальные проблемы права и гражданско-правового образования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 2018 / Под ред. В.Ю. Сморгуновой. – СПб: «Печатный цех», 2018. – С. 84-87. (0, 3 п.л.)

71. Gurinskaya A., Nalla M.K. Introduction // Criminology and criminal justice in Russia. Past legacies and present challenges / ed. by A. Gurinskaya and M.K. Nalla. Oxon: Routledge, 2018. – P. 1-4. (0, 4 п.л.; авторское участие 0,2 п.л.)